

Валерий Сабитов

ОПЕРАТИВНЫЙ ОТРЯД
книга первая АРД АЙЛИЙОН

научно-фантастический роман-дилогия

16+

Валерий Сабитов

**Оперативный отряд. Книга
первая. Ард Айлийюн**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сабитов В.

Оперативный отряд. Книга первая. Ард Айлийюн / В. Сабитов —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Оперативному отряду айлов под командой могучего Сандра предстоят испытания, обретения, потери. Среди задач, которые им предстоит решить – внедрение юного айла Нура в пространство-время иного измерения. В том измерении царит Империя, готовящая прорыв на планету айлов.

Содержание

Книга первая	6
Часть первая. Радуга айлов	7
***	10
Комитет Согласия	12
Начало Дороги	18
Часть вторая. Пустыня Тайхау	22
Долина миражей	22
Птица Роух	32
Яхмау и Музхир	38
Оазис Исчезновения	43
Часть третья. Дорога Звёздная или дорога Лунная...	47
Бирюзовый лес	49
Нападение братьев-отшельников	58
Лилла-искусительница	61
Арифметика аваретов	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Валерий Сабитов
Оперативный отряд
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН-БИОГРАФИЯ

(КНИГА ПЕРВАЯ: «АРД АЙЛИЙЮН».

КНИГА ВТОРАЯ: «ИМПЕРИЯ-АМАРАВЕЛЛА»)

Книга первая

Ард Айлийюн

Часть первая. Радуга айлов Лotosовое озеро

Семицветная арка над перешейком, соединяющим полуостров айлов с Большим Миром, сияет так же, как в прежние годы. Как сотни лет... Но беспокоит перемена: закатно-рассветный край небесной дуги насыщается цветом тревоги. Заметнее всего насыщение звездными ночами, при свете обеих лун. Алое делается багровым... Когда это началось?

Сандр огляделся.

Рядом дом Фрей под мягко шумящей бирюзовой кроной ее любимого дерева. Его посадил Ахияр за неделю до ухода. Как быстро оно поднялось! Редкое в Арде дерево. Крона нежно-зелеными пятнами затенила розовые скаты крыши дома, меж ними на черепице весело играют отсветы лучей Иш-Аруна. Стекла полуоткрытых окон отсвечивают тысячью искр, легко колыхаются полупрозрачные голубые занавеси. У высокого резного деревянного крылечка устроился лев Ольди. Уютно, по-домашнему устроился, – ведь он член семьи Фрей... Его желтые как луна Чандра глаза внимательно наблюдают за Сандром. Ольди не появлялся почти месяц. Неужели он что-то почувствовал и хочет понять?..

Сандр повернулся кругом. В доме сейчас никого: Фрея на Комитете Согласия, Нура надо искать на озере. Времени до назначенного Комитетом часа достаточно, можно не торопиться. Он оглянулся, махнул рукой на прощание Ольди и пошел по песчано-гравиевой дорожке через Оранжевый сад. Разноцветные камешки приятно зашуршали, предупреждая обитателей сада о приближении айла. Любимый родник Нура услышал и узнал Сандра: журчание, чуть доносящееся слева, усилилось и почти заглушило шум листвы. Над головой закружило облако цветных бабочек, из травы справа донесся перепев невидимых птиц. Он вытянул ладонь вперед, и на ней тут же устроилась голубая стрекоза. Оранжевый сад, – одно из любимых мест Сандра, но как редко приходится здесь бывать...

Дальше: рощица хлебных деревьев, за ней опытное поле фабрики тканей, ягодные кустарники, снова сады...

Но вот гравий сменился цветной плиткой, и дорожка устремилась к холму, с которого открывается вид на Лotosовое озеро. Дальше на юг – горы. Среди них очень давно заснувший вулкан, не разбуженный и последним Азарфэйром. А за горами до океана, – равнина, где живут и трудятся около трети айлов. Большинство предпочитает северную часть полуострова. Мысль об Огненном Цветке всколыхнула память о недостижимом прошлом, в котором айлы населяли половину планеты Ила-Аджала. А теперь, – всего лишь полуостров, изолированный от материка, Арда Ману.

Сандр шел почти не касаясь плит, наслаждаясь светом, цветом, ароматом. Проникая разом и в то, что сокрылось в былом, и в то, что предстояло. Укрытое историей вдруг стало важным. Там, в доазарфэйровской эпохе, истоки сегодняшнего и будущего. Надо понять, чтобы не ошибиться в Большом Мире. А понять будет трудно. И еще труднее будет не ошибиться. Уж слишком затянулась изоляция айлов. Ард Ману после Азарфэйра переменялся очень... Каков он сейчас? И второй материк... Его называют Сумрачным или Темным. Ард Аатамиин... Большинство айлов по причине его разумной безжизненности считают Сумрачный материк запретным. Но безжизненность не доказанная... В Храме хранятся записи о нем: джунгли, мангровые леса, береговую линию составляют горы, скалистые и неприступные. В прежние времена его называли иначе: Другой. Или Дикий. Опять же из-за отсутствия разумной жизни. По записям, зверья там, – и диковинного, – великое множество. Но неясностей тоже немало. Главная загадка, – развалины древнейших зданий, непонятных сооружений. Последняя экспедиция изучала остатки громадного города; доазарфэйровские айлы видели там подобных себе, какое-то туманное отражение целенаправленной деятельности. Появляются они при опреде-

ленных условиях, активному изучению не поддаются, исчезают. Фантомы сверхдальнего прошлого? Или все-таки жизнь, перешедшая под действием неизвестного фактора в иное состояние? Странное состояние, – они всегда с оружием, во взаимной враждебности, доходящей до драк и убийств... Иная реальность или картинка—демонстрации?

И что творится на Сумрачном материке, – Арде Аатамиин, – сейчас? Ведь после Огня прошли тысячи лет... Комитет Согласия не поддержал Сандра, – Сумрачное полушарие не включили в приоритет. Ограничились пока морской разведкой. В приоритете – угроза со стороны Империи из неизвестного мира... Призрачная опасность... Впрочем, Сандр не уверен ни в чьих оценках, в том числе собственных. Очень не хватает знаний. В одном Хранитель Ажар безусловно прав, – без Свитка уже невозможно.

– ...невозможно, невозможно.., – подтверждающе забормотал синий ручеек, пересекающий дорожку в песчаном извилистом русле, обложенном цветным камнем.

Сандр остановился на вершине дуги деревянного мостика над ручейком и улыбнулся. Совсем рядом, под рябинкой у берега, полосатый коричнево-белый бурундук баламутит воду лапками, делая ее светло-голубой, и с хитринкой посматривает на Сандра. За мостиком сады айлов прерываются, тут владения Духа Лотосового озера. Воздух тут искрится даже ночами, насекомые очень крупные, а птички, наоборот, маленькие. Дух любит контрасты. И почему-то привязался к Нуру. Последние три года Нур и Дух озера встречаются каждый месяц. О чем они говорят? Нур может знать гораздо больше, чем другие юные айлы. Тема деликатная, и Сандр не касается ее в беседах с Нуrom.

Бурундук отогнал от берега маленькую золотохвостую рыбку, улыбнулся Сандру и взобрался на рябинку. Среди алых ягод его темные глазки выглядят особенно хитро. Сандр легко вздохнул, погрозил бурундуку пальцем и пошел дальше. Дорожка за мостиком разошлась направо-налево по берегу. И Сандр осторожно пошел по траве, стараясь не ступать на цветы, беспорядочным многоцветием рассыпавшиеся по зеленому упругому склону холма. Да, таких цветов у айлов нет. Дух озера желает отличаться от смертных. Воздух тут тоже иной, с привкусом пряной остроты. Надо спросить Нура, как его зовут...

Сандр поднялся на вершину холма. Открылся волшебный вид: в громадной чаше среди зеленых холмов, южнее переходящих в горный массив, светит сине-зелеными полутонами зеркало Лотосового озера. Венком-коронай кругом него, – саморастущие цветочные клумбы: красные, фиолетовые, оранжевые, смешанные... А вот лотосы на озере только белые. Ослепительно яркие, как снег на вершине центральной горы Арда. Они такие огромные, что легко видимы отсюда, с высоты северных холмов, с расстояния получаса ходьбы. Такие лотосы не растут нигде больше.

А вот и Нур, недалеко от берега, среди скопления громадных белых цветов. И рядом с ним – озерный Дух. Нур устроился на одном лотосе, Дух – на другом. Сандр видит Духа вот так, в его физическом обликии, впервые. Замечательно! Вероятно, предстоит разговор, иначе бы Дух не предстал перед ним. А на желтом берегу у песчаной модели Храма заняты беседой двое: Азхара-радость и Котёнок Нура. У него есть еще одно имя, – Малыш. Еще тот Малыш, – больше полосатую рысь напоминает, чем кота. Все собрались, вот только Фреи недостает. Азхара, Фрея, Малыш, да еще Ольди, – семья Нура. Что будет с каждым из них, когда Нур уйдет?! Имя Нур означает Свет... По преданию, не тот свет, что льется в подлунные миры, оживляя цвета и цветы. А тот свет, что дает начало любому свету здесь. Кто дал ему это имя? Фрея? Ахияр перед уходом? Или посоветовал многознающий Нойр, хранитель древних книг?

Дух озера приветственно и приглашающе поднял руку. Да, контакт с ним состоится... Азхара повернула голову, заметила Сандра и поднялась с песка, подняв Малыша на руки. Да, Азхара... Она обещает превзойти красотой Фрею, а очарованием Лафифу. Уже сейчас Азхара неповторима и превосходна во всем внешнем. И особенно глазами: они как два лотосовых озера, видимых издали, с высоты полета самой крупной птицы Арда Ману, птицы Роух. Но

что озёра, – ведь у них нет ресниц Азхары! Густо-синие, они так длинны, что от их движения волнуется воздух. И меняется цвет её маленьких озер: от синего до темно-фиолетового. И, – та еще коса, синецветная, ниспадающая к талии. Еще лет пятнадцать назад и Фрея носила косу, только каштановую. Теперь она укладывает ее на голове узлом-короной. Азхаре, как и Фрее, не нужны украшения, которые так любят женщины айлов. И она уже понимает это. Азхара сама как украшение драгоценное их маленького мира. И мир ценит ее. Ей с удовольствием подчиняются не только растения, но и камни. Три дня назад она обратилась к Сандру:

– О Сандр, после Айдана и Нура ты самый близкий ко мне в нашем народе...

И вспомнил тогда Сандр отца Азхары, Айдана, ушедшего со вторым дозором, одного из самых светлых и лучистых айлов Арда. Она в него пошла чуткостью и внутренней яркостью. Не в мать, женщину внешне обаятельную, но разумом слишком легкую. Азхара рассудительна и целеустремленна уже теперь.

– О Сандр, ты самый мудрый... Потому я спрашивают тебя. Тебе понравится, окружу если я свою частичку Оранжевого сада кустами Джимлы? Он будет цвести постоянно, меняя окрас листьев четыре раза в лунном году. Разве не прекрасно?

Она говорила с вопросом, но смотрела с готовой уверенностью в своей правоте. Сандр не знал, что ответить, не хватало той самой «мудрости». К тому же, в ее обращении он ощутил что-то еще, скрытое. И сказал просто:

– А Сад не возражает? Ведь такого у нас не бывало еще. Кустарник Джимла красив, несомненно. Но превращать его в ограждение... В преграду... Не изменятся ли урожай и вкус плодов Сада? И...

– Да-а? – удивилась и задумалась Азхара, – Благодарю тебя, Сандр. Я попробую вначале на одном дереве. Вот на этом...

Она подошла к молодому абрикосу, расцветающему впервые. Дерево склонило перед ней ветви и приветливо зашелестело. Сандр прислушался и понял просящий смысл шороха-шелеста. И, – удивительно! – вошла в него и Азхара.

– «О, юная дочь айлов... Возьми мою ветку и сделай себе палочки для еды. Пройдет цветения сезон, и я предложу тебе плоды свои. А закончится срок мой, получится из ствола много вещей полезных. И я продолжу свое служение тебе...»

Тут же листья зашелестели по-иному, тревожно и обеспокоенно.

– «Но сейчас... Только не отделяй меня от ветра низового и от света нижнего... И от простора привычного...»

Да, Азхара поняла, и на пронзительно синих глазах ее выступили заискрившиеся капельки. Ей стало неудобно и стыдно. Она получила хороший урок. И усвоила его. Да, вырастет она чувствительной и чуткой женщиной. И нельзя ей будет жить в одиночестве, без близкого друга. Она внутренне такая, как Фрея. И не способна забыть то, что было когда-то дорого. Но с Нуром идти ей нельзя по той же причине. Для похода она слишком эмоциональна и нежна. Да и рано ей... Айдан наверняка не позволил бы. А вот у Айдана глаза темного золота... Азхара скучает по нему.

Но вот и песок, окаймивший озеро лентой желто-золотой и теплой. Нур уже на берегу, рядом с Азхарой, а Малыш у его ног, и смотрит на Сандра зеленым подозрительным взглядом. Азхара повернулась спиной и занялась разрушением песчаного храма. А Дух озера всё там же, среди белых лотосов, но увеличился в размерах и стал как бы ближе. От Духа к берегу прошла мягкая волна и вынесла четыре цветных камешка. Подарки... Каждому, включая кота Малыша. Редкие камешки, они светят ночами накопленным за день светом. Ценные подарки... Дух близок Нуру...

Сандр всмотрелся в лицо Нура, заглянул в глаза. Ахияровские, светло-зеленые, с коричневыми крапинками. И понял, что Нур уже знает, зачем пришел Сандр. Откуда? От Духа? Или через сны?

– Сандр... Ты за мной... Скажи, Сандр, мне дали имя такое из-за того, что предстоит?

– Скажу, что знаю, – серьезно ответил Сандр, – Перед твоим рождением к Фрее пришел сон. А в нем повеление: уйти в Храм и оставаться там. В Храме, на утренней заре, ты и родился. И в тот момент Храм осветился изнутри и снаружи. Тем же светом, что возвестил появление в мире твоего отца... Тот свет нельзя описать словами. Только видеть...

– Но мой отец пропал... Я не знаю его. На его месте ты, Сандр.

– Да, наверное так. Ахияр – мой ближний друг. Я должен был уйти с ним. Но... Комитет решил по-иному. Ты хочешь спросить о многом... У меня нет ответов на все твои вопросы. Группа Ахияра исчезла бесследно.

– И мы пойдем его путем? – Нур спросил, оглянулся на Духа озера, вздохнул и продолжил, – Мама моя... Фрея говорила мне о соотношении Предопределения и свободы выбора. Она сказала: ты родился под знаменем. Значит, мне уготована великая судьба? Я знаю звезду, которая зажглась в момент моего рождения. Но я не понимаю... Предопределение, свобода, судьба... Ни в снах, ни в школе об этом ничего... Азхара, прежде чем перенести камень в Оранжевом саду, спрашивает его. А что, если не понравится ему на месте новом? А меня никто не спросил...

Над Нуром закружила лotosовая бабочка, ярко белая, на крыльях ее полыхают радужные отсветы. Сандр впервые видит ее вблизи. Эти бабочки живут только с лotosами. Каждая рождается со своим цветком и уходит с ним. И так же, как лotos, проходит три стихии: землю, воду, воздух. Опять знак? Так и есть...

– О, Сандр, друг моего друга! – голос Духа звучит странно, непривычно, в тонах очень низких, – Вам предстоит долгий путь. Большой Мир, – не ваш дом, и вы там не свои. Я связался со своими братьями. Ты ведь понимаешь, мы едины... Но не как вы. И действуем в строгом соответствии с задачами и правилами. Свобода выбора, – удел айлов, не наш. Пользуйтесь своей свободой правильно, – и получите поддержку невидимых вам сил. Но, Сандр, готовься крепко! Ты в ответе за Нура и передо мной...

Сандр помедлил и склонил голову:

– Да. Я понимаю и благодарю тебя. Ты имеешь знание о том, что предстоит нам?

– Никто, – и мы! – не способен предвидеть день завтрашний. Если кто заявит другое, – держись от него подальше.

Озеро от голоса своего хозяина заволновалось, белые цветы в ярко-зеленом обрамлении закачались на волнах, над ними бабочки устроили радужное кружение. И цвет воды поменялся: с нежно-голубого до насыщенно-фиолетового с примесью изумрудной зелени.

Яркий шар Иш-Аруна застыл над южными холмами, в той стороне, где стоит Храм. Надо торопиться. И Сандр посмотрел на Азхару. Она подняла Малыша, он нехотя расположился на ее плечах. Похоже, кот тоже понимает, в чем дело. Глаза Азхары потемнели: она не согласна с решением Комитета. Внутренне не согласна, – ведь с Комитетом не спорят. И, не оглядываясь, медленно двинулась на север, к дому своему, который потерял тепло после ухода с дозором отца ее, Айдана. Вот так: впервые дороги Нура и Азхары расходятся диаметрально. Впервые и навсегда!

– Нур, нам пора, – сказал Сандр, – Пока обойдем кругом озера, пока...

– Но зачем вам такой длинный путь? – с улыбкой спросил Дух; его красивое лицо засияло светом добрым, мягким, оранжевым, – Ведь можно напрямую. Я перенесу ваши одежды. Оставьте их на берегу. Да и омовение перед входом в Храм обязательное дело...

– Благодарю тебя, Бухайр, – прошептал Нур, провожая взглядом Азхару.

Сандр понял: услышав имя Духа, он вошел в число его друзей. Но встретится ли с ним еще раз? Апельсиновая фигурка Азхары исчезла за вершиной холма. Нур повернулся к Сандру. Сандр улыбнулся сочувственно. И удовлетворенно, – красно-золотистая кожа Нура излучает гармоничное сияние в теплых тонах. Сила цветов ауры сообщает: Нур имеет мощную энергетику и способен уже перенести испытания предстоящего путешествия. Старший брат Нура был таким же. Но нет, пока надо говорить не «был», а есть! У Фреи с Ахияром очень красивые и могучие сыновья, гордость народа айлов.

Желтый песок светится мягко и крупно, гладь озера сделалась неподвижным зеркалом. Внезапно, – то ли Бухайр тому виной, то ли вмешались высшие силы, – в голубом зеркале отразились разом обе луны. На одно мгновение, но... А следом за ними, – звезда Нура, которую никак не увидеть на небе днем. Пожалуй, это для Нура...

Вода изменила свойства, плыть чрезвычайно легко. Они держались рядом и молча, ведь с Нуром прощалось и озеро. Цветные рыбки с пушистыми хвостами кружили рядом, синие-белые дельфинчики ныряли-выныривали, извергая золотисто-голубые струйки-фонтанчики. Нур улыбался им, они – Нуру. Только лотосы стоят неподвижно, белые бабочки замерли на краях лепестков. Лотосы, как и все цветы, любят айлов, но тут, в царстве Бухайра, они демонстрируют гордую независимость.

Одежда ожидала их, аккуратно и бережно сложенная на траве, под охраной взрослого павлина ростом повыше Нура. По оригинальной окраске павлиньего хвоста Сандр определил: этот из поющих, такая же редкость, как и озерные лотосы. Во всем Арде Айлийюн их единственная стая. Непонятные птицы, – летать не летают, но очень любят воспроизводить песни айлов. Существует мнение, что они проникают в сны айлов-певцов и крадут мелодии до полного их созревания. И исполняют первыми. Сандр предположил: этот красавец здесь не просто так, наверняка с сюрпризом. И не ошибся: пока они с Нуром облачались в туники, павлин свернул и снова развернул веер хвоста, переменив его рисунок, и запел голосом Фреи колыбельную песню. Мелодия Фреи, на неизвестно чьи слова. Ее часто исполняют по вечерам в школе первой ступени. Закончив песню, павлин повернул изящную головку с красным гребнем к Нуру и голосом Грэйса строго сказал:

– Нур, поторопись же. Ведь Комитет ждет тебя.

Сандр рассмеялся и сказал:

– А ведь он прав, певец-имитатор. Пробежимся?

Комитет Согласия

Единственный Храм айлов возвышается на вершине самой высокой горы Арда, днями и ночами сияя блеском вечных металлов. Никто не знает, в какую эпоху, кто и как его возвел. За шпиль центрального купола всегда цепляется сизое облачко, а на башенках кругом купола устраивают гнезда лебеди. Почему здесь? Ведь тут холодно, на куполе и у подножия Храма всегда лежит снег.

Айлы предпочитают здания одноэтажные, строят их среди деревьев, на речных берегах, вблизи родников. И тяжелая монументальность Храма внушает им чуть ли не почтение. Во всяком случае, – уважение имеет место.

Вот и Нур: остановился в начале вьющейся среди скал лестницы и смотрит на Храм с трепетным восхищением.

– Я ведь только начал учиться..., – негромко сказал он, – И не успел прочитать еще ни одной древней книги...

Сандр согласился с ним. Жаль, путь знаний не пройден... Ведь всего год назад Нур был воспитанником Учебного Центра средней ступени. А Нур уже заговорил о будущем:

– Нам нужна еще одна школа, – по изучению Свитка и практике служения в Храме.

Да он рассчитывает, что экспедиция вернется со Свитком! На самом деле, – Храм без Свитка, как Лotosовое озеро без Бухайра и его лотосов.

– Я спрашивал в школе... Учитель общей истории Нияти говорит: идея о самосотворении мира появилась еще перед Азарфэйром. Но для чего тогда Храм?

– Ты сам как думаешь? – задал вопрос Сандр.

– Мне непонятно. Как я или кто-то мог самосотвориться? Из чего? И откуда я знал, каким мне надо быть, если меня еще не было?

Сандр задумался. Волна небывалой печали накрыла его. И стараясь избавиться от мрачных мыслей, он обратил взгляд на видимый мир айлов, пытаясь в нем отыскать то надежное и устойчивое, что спасло бы дорогих ему существ от предстоящих испытаний.

За горой Джебл, на которой стоит Храм, дальше к югу на высоте поменьше, стоит еще один древний памятник. Маяк, бездействующий и бесполезный. От моря его хорошо видно. Днем видно. Но построили его для тех, кто пересекал океан ночью... Океан уже не помнит кораблей и парусов. Много забыто... Айлы недавно решили возродить корабельное дело. Но не поздно ли взялись? Ведь традиции кораблестроения ушли вместе со знаниями. В голове Сандра много опасений и сомнений. И они множатся. Радуга айлов понапрасну не меняется. Нур умница, уловил самое важное для народа. Но его личная, наиважнейшая, задача другая. И Сандр, справившись с замешательством, спросил:

– Ты давно смотрел на Радугу?

Нур сузил взгляд, аура его взволновалась.

– Я понял... Мы назвали это «красным приближением». Если ты спрашиваешь, то это связано с нами? Со мной. Так?

Сандр даже головой тряхнул, настолько поразило его «красное приближение». Как точно и образно сказано! Растет разумное поколение...

– Да. Наш дом – сад, цветущий и дарующий плоды непрерывно. Наши дома, школы, мастерские, воспитательный центр среди цветов. Но полуостров наш не так уж и велик. И немногочислен наш народ. И мы плохо представляем, кто и как обитает в Большом Мире. Небо наше двухлунное, солнечно-звездное, радужное. И мы не задумываемся, почему это так. А ведь над садами, взращиваемыми нами на побережье Большого Мира, второй, большой луны уже нет. За теми садами – Пустыня. Жгучая, бесплодная, громадная. Ее не обойти, ведь с запада она примыкает к джунглям, а с северо-востока – к дремучей тайге, граничащей на севере с

мерзлой тундрой. Мы – в изоляции. Но обо всем этом мы еще поговорим. Сейчас – Комитет Согласия.

А Нур с интересом рассматривает Храм, что понятно: он еще здесь не бывал, как и на всей южной части полуострова. Дом, школа, сады, озеро... А ведь еще есть красивейшие рифы и коралловые поля, отделяющие мир айлов от океана. Проход кораблям возможен только сильно западней, где кончается полоса материковых садов и начинаются джунгли. Именно там, – древние пристань и верфь, требующие восстановления. Интереснейшее место, полное загадок и красот. Сандр с Ахияром в возрасте Нура старались побывать там при любой возможности. Неужели новые поколения теряют любознательность? Впрочем, кто раньше мог похвастаться дружбой с Духом Лotosового озера?

Их встретил Грэйс, закутанный в красно-фиолетовую председательскую мантию, с золотым обручем избранности на седой голове. Вначале Грэйс бросил виноватый взгляд на Сандра. Сандр моментально сообразил, почему: накануне глава Комитета предлагал включить в оперативный отряд женщину. Сандр тут же просчитал, откуда ветер, – очаровательная Лафифа прельстила и Грэйса. Пришлось в категорической форме отказать ему: оперативный отряд выступит исключительно в мужском составе. За неполные сутки Грэйсу стала известна истинная причина просьбы Лафифы, и теперь ему неудобно перед Сандром.

Грэйс, молча попросив прощения, склонил голову и протянул руку Нуру.

– Рад видеть и приветствовать тебя, сын Ахияра. Ты знаешь, что обычно Комитет занимается организацией внутренней жизни. В прошлом месяце мы обсуждали необходимость организации складов с одеждой и продовольствием и укрепления дороги на материк. Но сегодня... Сегодня мы с утра заняты анализом внешних проблем. Акценты сместились, Нур. Потому ты и Сандр здесь...

Нур ответил на рукопожатие крепко и без робости. Нет, передумал Сандр, новые поколения будут не слабее прежних. Мир безмятежности, светлых ясных снов, ласковых умных животных и понимающих растений не может уйти навсегда и безвозвратно.

Грэйс положил руку на плечо Нура и жестом другой пригласил Сандра проследовать впереди них. Интерьер центрального помещения Храма поражал Сандра величием всякий раз. По круговому периметру – колонны белого камня, пол из цветных каменных плит, составляющих привлекательный и непонятный узор, полупрозрачный цветной купол над головой... По кругу, – резные деревянные двери в служебные комнаты, меж ними – стеллажи с древними книгами...

И – атмосфера! Каким-то скрытым, но сильным влиянием она настраивает на серьезность и напряженность мысли.

Члены Комитета ожидают на противоположной стороне помещения, у единственного громадного окна, открывающего вид на южную сторону полуострова. Скалистые горы, зеленые холмы, понижающиеся к океану; видна вершина маяка, украшенная выцветшим флагом. Долины, обжитые айлами, отсюда недоступны взору. И мир кажется почти первозданным, заброшенным, требующим переустройства.

Рядом с окном: Ажар, Фрея и Агаси, страж Храма. Слева от них, рядом со стеллажом, отсвечивающим тисненными переплетами книг, – остальные члены Комитета. Все в алых с зеленым одеждах, обязательных для избранных. Кроме Фреи, – на ней одно из повседневных платьев, украшенное гирляндой живых цветов. После заседания цветы вернутся на свои места. А платье простое, голубое, строгое. Неужели протест или вызов судьбе?

Грэйс подвел Нура к Сандру, а сам встал рядом с Фреей. Нур, пораженный величием Храма и торжественностью часа, застыл в позе наблюдателя и не отрывал взгляда от матери, не отпуская руку Сандра. И Сандр опять спросил себя: если в экспедиции без Нура никак, то почему не подождать еще год-другой? Уж слишком юн кандидат в отряд, которому предстоит пересечь Ард Ману.

А председатель Комитета, переглянувшись с Фреей, заговорил негромко; но звуки слов его, отражаясь от плоскости окна и купола свода, делались твердыми и мощными.

– Вершина нашей самой высокой горы, Джебл, – купол Храма. Так в текущую эпоху. Отсюда кажется, – мир айлов как бы простирается за горизонт, в бесконечность. И можно предположить: кроме нас, на планете и нет никого. А там, за горизонтом, Большой Мир. Всего двести лунных лет прошло, как мы за этот Большой Мир чуть зацепились, отвоевав у Пустыни Тайхау прибрежную полосу для садов и домов наших. Маленькую полосочку... Данные от экспедиции Ахияра скудны. Но и они настораживают. Большой Мир населен, но народ его раздроблен, там нет единого управления. Это там, за тем горизонтом...

Он повернулся к окну.

– А за этим, – бескрайний Океан. За ним, – Темный материк. Неизученный, загадочный. Близится день, в который он покажет себя нам. И мы будем не готовы. Тяжело, но приходится признать: островок нашего счастья мал, хрупок и не вечен.

Он остановил речь, повернулся и с неожиданной беспомощной грустью посмотрел на Сандра. И захотелось Сандру прижать к груди седую голову Грэйса и погладить ее по-отцовски. Примерно так, как делает это Нур с Малышом. Да-а... Устал за день Грэйс. Видно, трудной получилась беседа с основной частью уходящей в Большой Мир группы. Все они тут устали. Вот и у Фреи, – свежие морщинки по краям покрасневших глаз. Но эти слова Грэйса нужны. Очень нужны. Для внутреннего настроя, для понимания сердцем того, что предстоит. Для Нура, – для его маленького взволнованного сердца. С сочувствием глянув на Грэйса, разговор продолжил Алай, с юности курирующий вопросы растениеводства и отношения с животными.

– Ты прав, председатель. Мы привыкли ко многому. Привыкли и не замечаем дарованного нам. Травы, злаки, деревья... Мы следим за их здоровьем, меняем их местоположение, даем отдохнуть почве... И вот, однажды оказалось, что мы не заметили и момента начала перемен. Когда начали мельчать фрукты, когда они стали терять прежний вкус? Первые айлы нашей эпохи были мудрее нас. И они выбрали это место, наш полуостров, и назвали его Ард Айлийюн. Нур... Дух озера помнит первых? Лotosовое озеро тоже меняется?

Нур отнял руку от ладони Сандра, размял пальцы. И сказал спокойно:

– Он помнит. А вода не меняется. Вода не стареет. Вода рождается взрослой.

– Кто рождается взрослым, тот не стареет? – как-то по-детски удивился Алай, – Айлы свою суть связывают не с водой, а с Радугой. Но ведь Радуга происходит от воды... Или я не прав? Нур, ты можешь сказать, Радуга вечна?

Нур растерялся. И с легкой обидой ответил:

– Ты меня спрашиваешь... А сам знаешь, что этому меня не учили. Как я могу ответить, если мне не дали знаний?

– Вот! – как бы торжествуя усмехнувшись, поднял к куполу указательный палец Алай, – А зачем бы я тогда спрашивал? В Большом Мире вы столкнетесь с тем, о чем ни у кого из нас нет знаний. Никто вам там не поможет. И, возможно, от тебя, Нур, будет зависеть...

Обида Нура прошла и он, вздохнув и крепко сжав руку Сандра, сказал:

– Но кроме всего, мне дает знания Бухайр. Он говорит: наступает Время Переименования. Время Шестого Предела. А это значит, что все исходные начала будут подвергнуты испытанию. Даже числа и знаки...

«Ого! Почему Дух Лotosового озера говорит об этом только с Нуром? – спросил себя Сандр, – Нур пока не понимает значения грозящего переворота. Зло может обернуться добром, и наоборот. Многие потеряют свое внутреннее лицо и станут теньями, отражениями собственных несовершенств. Великое горе может захлестнуть айлов. Но и животным с растениями тоже достанется... Об этом, только другими словами говорил Ахияр».

Да, они были тогда втроем: Ахияр, его старший сын Джай и Сандр. Перед Сандром встало лицо Ахияра и он заново услышал его слова:

– Переворот не будет долгим. Истинное Зло, надев личину Добра, не выдержит контраста между внутренним и внешним. И сгорит в собственном огне. Но огонь тот будет столь силен, что проникнет в самые потаенные уголки мира. Огонь уничтожит плесень, застойную гниль... Но очищение пройдет в великом страдании для тех, кто выдержит испытание.

Джай тогда задал много вопросов, и Ахияру пришлось поднапрячься. Как сегодня поведет себя Нур? И Сандр, опустив детали, рассказал о той прощальной встрече.

Нур вошел в тему моментально.

– Все-таки Империя! И мне придется пройти дорогой отца и брата. Предназначение, да? И от него никуда?! А что мы знаем об Империи? Если так мало известно о нашем Большом Мире. Ведь Империя – совсем неизвестно где?

Нет, совсем не слаб юный айл! Мышцы-косточки разовьются, окрепнут. А вот мысль у него работает уже как надо. Сандр требовательно посмотрел на Грэйса. Пора открывать все, что считалось для детей ненужным или преждевременным. Через дни этот малыш будет иметь со взрослыми равные и права, и обязанности.

И Грэйс, сдержав вздох, твердо сказал:

– Да, все-таки Империя, сын Ахияра. Империя цель твоя, как и отца твоего. Мы уверены: Империя исчерпала ресурсы пространства. И, чтобы продлить свое время, прорывается в наше. Если такое получится, наш мир войдет в число обреченных. Некоторым из нас открылось знание Прохода в пространство Империи. И пришло предложение отправить туда айлов, отмеченных особым знаком. Избранных айлов. Сны вещие... Ты знаешь, что это такое.

Нур выслушал Грэйса так, будто сказанное для него вовсе и не открытие. Следовательно, он сам много размышлял над этим. Да-а... Вот, и очередной его вопрос...

– Но... Сколько нас там окажется, на той стороне? Единицы, так ведь? Как единицам сдержать целую армию? Исход решится здесь, у нас. И без Свитка... Что без него Храм? И что без него безадресные мольбы в Высшие Эоны?!

Даже Фрея была поражена. Даже мать не знала, кто есть её сын и что гнездится в его разуме и сердце. И Сандру захотелось выкрикнуть на все миры: да такие единицы, как Ахияр да Нур, способны не только сдержать чужие армии, но и... Грэйс остановил его желание.

– Мы предусмотрели... У вашей группы две равновеликие задачи: ты и Свиток. Найти его, сделать доступным всем и обеспечить твой Переход. Иначе: если не Империя, то Темный материк. А если не они, то сокрушающий Азарфэйр. Я предвижу твой очередной вопрос. Мы смогли реконструировать одно древнее морское судно. Оно отправится в океан после вас. Раньше не успеваем. Оставшись здесь, мы постараемся быть достойны вас, уходящих и ушедших. Без страха и слабости... С разумом и верой...

Он замолчал и почти сразу помещение Храма наполнилось таким светом, которого до того не видели ни Сандр, ни кто другой из присутствующих в Храме. Возможно, это пришел свет доазарфэйровской эпохи. Ведь эпохи не уходят в никуда, они все сохраняются в большой невидимой копилке. И тот, кто владеет копилкой, может позволить открыться одному из хранящихся там слоев. На одно маленькое или большое мгновение, но позволит он проникнуть свету туда, где живые ушедшей эпохи увидят внутренним взором свое продолжение. Одна лишь, всего одна световая волна прошла от входной двери, накрыла айлов в Храме и ушла через оконную прозрачность обратно.

Случается, что профессии так срастаются с теми, кто владеет ими, что их нельзя мыслить отдельно. Так случилось с Ажаром, Хранителем Свитка, который еще предстояло отыскать. Может быть, он самый старый из нынешних айлов. Или просто успел устать от изобилия красок, ароматов и всего того, чем наполнена жизнь в Арде Айлийюн. Красная тога его местами выцвела до неопределенности, застарелые складки на ней уже невозможно разглядеть. А еще, возможно, он догадывается о том, что существуют миры более прекрасные, чем его Ард. Более совершенные и приятные на вкус, цвет и осязание. Глаза его выцвели, как и одежда; а то, что

струится из них, кажется отражением той световой волны, которая только что прокатилась сквозь него. Но ведь это отражение жило в нем и раньше?

– Семь Небес, семь Пределов, – Ажар говорил почти неслышно, будто и не говорил, а думал; думал для себя, – Уровни вне форм, света и теней. Живые намеки будущих планов... Желание, выливающееся в волю и формирующее... Магия чисел, ждущих материального воплощения... Кружение пунктов высшего плана вокруг объединяющего начала... Невесомый и вездесущий Творящий Фактор... Превращение невидимых форм во множество живых миров... И – Переименование всего... Великий План, вместивший все Арды и Эоны! Кто и где мы в нем, микрочастицы разума и страсти?

Вопрос Ажара прозвучал как звук последнего гонга в школе Нура. Всё! Занятия окончены, завтра уроков не будет.

Комитет Согласия закрылся. Оснований для задержки или вовсе отмены миссии Нура не нашлось. И Нур не отказался от Предназначения. Ни внешне, ни внутри.

И Фрея оцепенела, ощутив завтрашнее одиночество без конца и края. Нойр отвел от нее глаза, поймал взгляд Сандра и поманил Нура пальцем к себе, к книжному стеллажу.

– Посмотри, сколько книг. Три тысячи девятьсот девяносто девять... Много? Мало? Как кому. Их могло быть и миллион. Но и тогда они бы не смогли заменить той, о которой говорил Ажар. Но он не всё сказал. Недосказанное ты поймешь в пути. Ты встретишь много зла. Мы о нем почти забыли. Как бы не потерять иммунитет... Но помни: если ты не будешь реагировать на любое зло злом, то пройдешь путь как надо. И туда, и обратно. Да-да, и обратно! А если нет, – потеряешь себя и свой путь. И потеряешь мир, из которого уйдешь через неделю. Навечно потеряешь...

Жестко, даже жестоко говорит Хранитель книг. Нур выслушал его без видимых эмоций и взял с полки одну из книг, в тяжелом переплете из неизвестного айлам материала. Раскрыл, полистал, остановился на развороте где-то в середине, взгляделся в черные значки на белом. Минуту или две...

– Когда мы научимся их читать? Свитка нет, а книги есть. Но результат один...

Нойр улыбнулся:

– Но ты можешь угадать, о чем здесь?

Нур приблизил книгу к глазам и погладил пальцами страницу:

– Здесь... Здесь записана какая-то добрая волшебная сказка. Когда я был маленький, Фрея придумывала мне сказки о том, чего нет. Здесь такая же, но не на один вечер...

Сандр понял: Нур мог бы разгадать древнюю письменность. Только ему пришлось бы посвятить расшифровке всю жизнь. Айлы не любят писать, им и говорить словами не очень хочется. Язык мыслей и снов... Если б не закон, ставший традицией... Закон обязывает половину общения использовать устное слово. Странно это: животных и растения мы слышим и понимаем, а речь предков – загадка.

Вот и Фрея справилась с наплывом печали. И подошла к Нойру и Нуру. Только теперь Сандр увидел, как отличается свечение ауры Нура от ауры остальных. Светлые, легкие, но чрезвычайно насыщенные тона... С такой аурой можно пройти в пространство Империи. Пройти и выжить там. Такая же – у Ахияра. Неужели передается по наследству?

– Хочешь, возьми книгу с собой, – сказала Фрея, – В дорогу. Встретишь того, кто не забыл это письмо... Будет хороший подарок.

Нур согласно кивнул.

Встреча закончилась, членам Комитета можно разойтись и переодеться. Но кто мог предвидеть случившееся? Азхара ворвалась в Храм как горячий смерч, которые иногда пытаются атаковать дома айлов на побережье материка. Ворвалась и сразу заявила:

– Я пойду вместе с Нуrom!

Смерч замер в ожидании. А Фрея улыбнулась светло и ярко. Впервые так после ухода группы Ахияра.

– Ты умница, Азхара. И я бы пошла. Думаешь, я не просила? Но слишком велики задачи и цель похода. А мы с тобой слишком слабы... Наш удел – ожидание.

– О Фрея! Но ведь в прошлую экспедицию... Чанда, – она ведь пошла! Я даже готова сменить имя! Я теперь не Азхара, я Нурия!

И Сандр улыбнулся, сдержаться не было сил. Фрея убедит девочку. Да, и в драме есть место веселью. А действительно, почему тот состав Комитета разрешил идти Чанде? Каков был расчет? Отряд в Предгорье может встретить первое поколение айлов, рожденных в Большом Мире... Сандр обнял Нура за плечи и сказал негромко:

– Пойдем? Женщинам надо поговорить. Им есть о чем... И о ком...

Начало Дороги

Удачное место для проводов: просторное и удобное. Становится постоянным, входит в новую традицию. Площадь Расставания... Отсюда отправилась экспедиция Ахияра и оба дозора; здесь попрощаются вскоре с экипажем первого корабля айлов.

Широкий луг, усыпанный полевыми цветами – преддверие дороги, соединяющей последнюю родину айлов с Большим Миром... С юга – сады и дома, с севера – разорванная перешейком лента моря. Дальше, на север, – тоже сады. И там, – жилые дома и здания-цеха мастеров. Над перешейком, опираясь на пенные волны моря, горит Радуга. Воздух светится и мерцает... Радуга айлов сияет здесь всегда...

Луг заполнился шумом шагов и голосов, шуршанием и шелестом одежды. На проводы предложено прибыть только родным и очень близким, но что-то их слишком... Теплое тихое утро прощания грозит затянуться и Сандр попросил Грэйса приступить к церемонии. Не хочется, чтобы прощание получилось чересчур минорным и таким отпечаталось в душах спутников. Дал жестом команду и шестеро уходящих заняли места на спинах лошадей. Поклажа приторочена к седлам, все готово. Седьмой, Хиса, ожидает на границе с Пустыней, рядом со своим жильем. Хиса не любит ни встреч, ни прощаний. Он – айл-одиночка, странный айл. Но – знающий Пустыню, рядом с которой живет.

Воронок, могучий конь Сандра, не привыкший к такому скоплению живых существ, недовольно фыркал, сердито дергал головой, нервно переступал. Да и Сандр не видел разом в одном месте столько айлов, птиц, насекомых и прочих животных. Кажется, весь полуостров собрался проводить семерых.

Рядом с Нуром, – Фрея, Азхара-Нурия, кот Малыш, лев Ольди с многочисленным семейством. А у лап Ольди – деревянный бочонок мёда. Наверняка особенного, лесного. И где он его взял? Неужели выпросил у кого-то из бортников, конкурентов Глафия? А ведь Ольди обижен на Нура за привязанность к Малышу. И с момента появления Котёнка в доме Фреи появляется там реже прежнего. Бочонок придется оставить в доме Хисы.

Так было и в день ухода группы Ахияра, и при расставании с обоими дозорами. Ритуал проводов – не праздник, в нем радости меньше, чем печали. На мужчинах звездные туники, скрепленные на плече серебряной застежкой. На груди каждого, – рисунок кусочка звездного неба, кому какой больше нравится... Цвет туник, – от голубого до фиолетового. На женщинах длинные лунные платья. Бело-серебристые, с желто-золотой каймой и поясом. Украшения, – живые цветы гирляндами, венками, отдельно... После церемонии они вернутся в почву, на свои места. За всю историю ни один цветок не погиб по воле айла.

Фрея провожала Ахияра в лунном платье, красивейшем из всех. И после отказалась от него. Сегодня она в одном из домашних, нежно-зеленого цвета с красно-коричневым широким поясом. Выглядит прекрасно, но создано не для этого дня. Почему? Она отрицает общий настрой? У Фреи больше прав на несогласие, чем у любой женщины Арда. И больше возможностей выразить его.

А сквозь стихию шума пробивается мелодия, сложенная из чувств деревьев, камней, ручьев и родников, цветов и трав. Песня о любви к айлам, о горечи расставания, о пожеланиях удачи...

Грэйс повелительно вскинул руку, всё утихло. И воздух напряженно застыл.

– Я глава правящего Комитета Согласия айлов лишь потому, что более достойный, – Сандр, – уходит... И слово прощания принадлежит по праву ему. Говори, брат мой!

Вот так: ведь не предупредил! А знает, что Сандр не любитель говорить. И о достоинстве Сандр готов поспорить... Но Грэйс прав: остающиеся должны быть уверены, что уходящие не только стоят их доверяя, но и готовы к нему.

– Перед нами две великие задачи, – Сандр говорил без напряжения; поднявшийся с моря ветерок усиливал голос и доносил слова до тех, кто не покинул дома и места необходимых занятий; до тех, кто сейчас далеко отсюда, на южной части полуострова, – Задача первая, – поиск утерянной мудрости, столь нужной нам перед наступающей угрозой...

Он поднял взгляд на Радугу: о да, алая полоса потемнела еще больше, приближаясь к цвету крови. И все на Площади Расставания посмотрели туда же.

– Во времена доазарфэйровского единства народов мы владели Свитком. Но всего лишь владели, а не усвоили. И он покинул нас, и случилось... Я, Сандр, ближний друг и брат Ахияра по духу, ответственен перед вами за успех экспедиции. Вам оценивать и судить меня. А мне винить себя и просить у вас прощения... Мне поручено руководство экспедицией, и я исполню свой долг. Чего бы это мне ни стоило! Вы доверяете мне?

Наступила звонкая тишина. И через звон накрыла Сандра единая мысль: «ДА!». Он вдохнул ее и задержал в себе. Чтобы хватило сил отвести взгляд от домашнего платья Фреи. Оно как незавершенная песня, ему не хватает расплетенной косы. С рождения Нура Фрея укладывает волосы в подобие короны. Принадлежность цариц доазарфэйровских времен... И Сандр понял, почему поменял местами задачи отряда: чтобы смягчить нанесенный не сегодня удар...

– Задача вторая, – обеспечить переход Нура. Дорогой Ахияра... По пути мы постараемся решить и другие проблемы. Требуется отыскать тех, кто не забыл корабельное дело и создать из них команду. И, – озаботиться условиями для объединения всех племен и народов. Ибо опасность для всех общая. И мы постараемся, продвигаясь по маршруту, составить карту Большого Мира. Всё это касается нас, уходящих. А вам, остающимся... Перемените одежды безмятежности на иные, опояштесь тревогой. И последнее: нам надо как-то назвать уходящую группу. Имя имеет значение...

Сандр замолчал, оглядывая провожающих. Отряд Ахияра никак не назвали. Группа, экспедиция... Много слов разных в ходу... Ни одного отличительного, собственного. Воронок успокоился, предвкушая скорую разминку. Он давно рвался вперед, в настоящее дело, к которому готовил его Сандр. На предложение отозвался Нойр:

– Ажар, провожая меня сюда, говорил об отряде оперативного реагирования. Ведь вам придется очень часто сталкиваться с непредвиденными обстоятельствами...

– Да..., – согласился Сандр, – Критические ситуации неизбежны. Отряд...

Нур, в волнении приподнявшись в седле, сказал:

– Отряд оперативный... Мы – оперативный отряд!

– Да! Вот! – Сандр с одобрением посмотрел на Нура, – Коротко и точно. Оперотряд!

И повернулся к отряду:

– Всё! Прощание закончено. Оперотряд! Осмотреть снаряжение! Ничего лишнего! Но и ничего забытого!

Прежний шум заполнил площадь. Нур склонился, взял из рук Азхары Котёнка, прижался лицом к мордочке и что-то зашептал. Тот в ответ промурлыкал. И, по виду обоих, Сандру стало ясно, – они поняли друг друга. Да, разлука для них будет трудной, это особый союз... Малышу тяжелее, чем Фрее или Азхаре. Но, – как измерить глубину чувства? Прощание с Фреей у Нура получилось сдержанное, взрослое, без слов. И Фрея: обняла сына за шею, прикоснулась губами к его щеке. И ресничкой не дрогнула! Когда Фрея-украшательница научилась прятать эмоции? Кто ей заменит трех ушедших? Азхара, Малыш и Ольди? Едва ли...

Но Азхара! Юная совсем, до возраста Нура не меньше трех лет! А слова, выражение лица и глаз принадлежат женщине, познавшей право на высшее чувство! Фрея с трудом оторвала ее от Нура и отвела в сторону. И оттуда Азхара обратила горящий взгляд на Сандра. И пылал в

нем упрек. Обвинение в том, что именно он не взял ее в оперотряд. Что ж, придется взвалить на себя и этот груз, разубедить ее сейчас он не в силах.

– Нур – первый! – скомандовал Сандр, – Я – замыкающий. Вперед!

Тут же ветер принес торжественные аккорды неизвестной мелодии, исполненной на неведомых инструментах. Откуда ветер ее взял? Будто бы звучат флейта, барабан, что-то еще... И – в низкой тональности. Неайловская музыка? У Джахара надо спросить, он лучше знает.

Сандр придержал Воронка и посмотрел на Радугу. Да, так он и предполагал: дух Радуги на время прохождения оперативного отряда вернул прежние цвета.

Полосу материковых садов прошли на одном дыхании. На границе с Пустыней, рядом с россыпью больших и малых камней, их ожидал Хиса, спокойный и невозмутимый как обычно. Здесь Сандр остановил отряд.

Впереди – иной, Большой Мир. И начинается он испытанием, малознакомым сообществу айлов. Ну почему они столько веков не попробовали хоть чуть-чуть изучить Пустыню Тайхау, отделившую Ард Айлийюн от Арда Ману!? Ведь и Сандр ни разу не задумался о том. Их семеро. У них вода, пища, всё необходимое, чтобы пересечь пески. Но они не представляют, сколько для этого понадобится дней. Или месяцев. И каковы они будут, эти дни. Нур, Арри, Глафий, Ангий, Джахар, Хиса... Шеренга всадников перед командиром... Перед тем как преступить черту невозврата, командир обязан что-то сказать. Обозначив тем переход в душах и сердцах.

Сандр огляделся. Впереди, слева и справа одно и то же: череда барханов, предваренная полосой из неизвестно откуда здесь взявшихся камней и щебня. Позади: выращенные айлами цветущие сады, обжитая местность, окаймленная пальмами. Контраст великий, и он заставляет думать и колебаться.

– Друзья мои! Мал наш оперотряд. Мы – на внешней границе родной земли. Но как только мы оставим эту границу за собой, наше значение сравняется со значением всего народа айлов! Тогда уже не повернуть. И не попросить помощи! И я спрашиваю сейчас каждого: загляните в себя. Заглянет туда, куда, быть может, до этой минуты боялись. Еще можно вернуться. И мы знаем, – никто не упрекнет вернувшегося.

Оперативный отряд... Айлы и их лошади, которым нужен командир, без которого нет отряда. А командир пока абсолютно уверен только в одном из них, – в Воронке. Никто кроме Сандра не решится подойти к нему, ведь по одному взгляду видно, – не подпустит. Копыто Воронка, в белом носочке над ним, размером как два любого другого коня. Масть – безлунная ночь. С одной белой звездой, горящей на лбу. Конь преданный и разумный.

Нур на своей мини-лошадке Кари смотрится рядом как лилипут. Легенды говорят о присутствии малорослого народа в давней истории Арда Ману. Но Кари, несмотря на младость, очень хороша! Серая, в черных пятнах, мелкие мышцы так и играют... Вырастет в очень энергичную и красивую лошадь. Нур выбирал ее среди многих. Но Сандр видел, – выбрала его она.

Тойра Хисы, в отличие от Кари, – спокойна до флегматичности. Смотришь на нее, – будто видишь влажный морской песок. И прохладнее делается. В отличие от Йолли, лошади Арри, в переливах желтых тонов: от темного на голове и гриве до апельсинового на пушистом белом хвосте. От нее прямо жар струится. Арри зачем-то укрыл ее цветной попоной. Правда, и себя не забыл, – на шее яркий многоцветный платок. Грэйс заметил, что он склонен к минору в настроении. Возможно, игра цвета рядом отвлекают его от эмоциональных всплесков. Посмотрим... Он весь на вид какой-то округлый, плавный, замедленный... Значит, не способен на взрывные реакции.

Но особенно колоритно выглядит Глафий на Заре, широкогрудой, светло-коричневой, надежной. Глаз радуется, когда смотришь на них. Глафий в отряде – великая удача.

Как и Джахар, – вот и сейчас едва сдерживает улыбку, и, кажется, готов запеть. А конь у него, – красавец! Белый, с золотой гривой, изящен и горд. Он знает себе цену и потому не очень жалует Воронка в качестве потенциального жоака. Песня, – так назвал его когда-то Джахар. Вдвоем они очень хороши: белокурый кудрявый всадник и золотогривый белый конь. Подруге Джахара Симхе-Раде непросто было расставаться с ними... На проводах Джахар взлетел на Песню, не коснувшись ее руками. Наверное, он лучший атлет Арда.

Рядом с Песней, – ярко-красная Мара с черной гривой, лошадь Ангия, крепенькая, упитанная. Как и положено лошади специалиста по питанию. У Ангия большое семейство, и Хиса не сосчитает всех, как он заметил. Решил в отряде отдохнуть от семейных забот, от излишка любви? Надо же... Ангий самый старший в отряде, но не старый. Седина может ввести в заблуждение, но она от рождения. Откуда тянется его наследственная нить? Ангий жилист, и, похоже, во всем крепок. Если чем займется, не оторвать, пока не сделает.

В целом командир удовлетворен составом отряда. Комитет хорошо поработал при подборе. Можно надеяться, что единство будет обретено достаточно быстро.

Сандр всмотрелся в лица спутников. Нет в них ни тени страха или сомнения. Никаких колебаний... Всё это они оставили на площади при прощании с близкими и дальними; с айлами, птицами, животными, насекомыми. Там, во время прощания, в ходе проверки поклажи, Сандр заключил: это не оперативный отряд. Нет еще. Они пока просто группа. Но теперь, всего лишь через час – группа стала оперативным отрядом. И Хиса – один из них, хоть и пропустил сцену расставания. Да и с кем ему прощаться? И такое бывает: ни друга, ни подруги; а страсть к математике да одиночеству отдалили его и от родителей. Сандр не заметил их среди провожающих.

Комитет предложил для рассмотрения Сандру готовый список кандидатов в отряд. Сомнения у него появились относительно Хисы. Но Сандр промолчал, – путь откорректирует любые отклонения.

– Хорошо! Сила нашего Арда с нами, – сказал Сандр и махнул рукой на запад, – И да благословит нас Седьмой Эон! Вперед!

Воронок захрапел и рванул с места. Тишину начавшейся Пустыни развеял скрип и скрежет подков о камни. И, – какая-то доля минуты, – позади открылось то же, что и впереди. То же, что и справа, и слева. Тайхау закрыла путь назад! Двойная линия пальм, окаймляющая сады с внешней стороны, должна быть видна отсюда очень хорошо. Но она исчезла. И ничего не стало из того, что было оставлено. И, возможно, это потому, что не всем суждено еще раз увидеть Радугу айлов. И, не исключено, всем не суждено.

Исчезновение Садов необъяснимо, но отряд воспринял невероятное как факт, никто не испугался. А надо бы, – вместе с Радугой исчезло постоянство, на его место пришли непредсказуемость и противоречивость неведомого бытия. Тревожная непредсказуемость и опасная противоречивость...

Часть вторая. Пустыня Тайхау

Долина миражей

Итак, всего лишь шаг вперед, всего лишь мгновение, – и как нет ничего из мира айлов. Позади, – то же, что и впереди. То есть песок без конца и края. Белый, желтый, красный, крупный и мелкий... Собранный в геометрически правильные холмы барханов и закрученный в тугие вихри, танцующие вокруг отряда. Зной, сухой и шершавый, мгновенно окутал тела айлов и лошадей, проникая в легкие и глаза.

Иш-Арун в центре бледно-голубого небосвода полыхает белым ослепляющим шаром. Неужели это то же самое родное светило, которое с любовью одаряет Ард Айлийюн теплом, светом и цветом?!

Отряд замер, будто замороженный мгновенной переменой пространства кругом. Каждый пытается понять смысл происшедшего, но разум оказывается бессилён. Ему не хватает знаний и опыта. Даже Хиса молчит, остановив взгляд на дальней точке западного горизонта. Лошади ожидают команды, но командир пребывает в такой же растерянности, как и самый юный, несовершеннoлетний член его отряда.

Первым зашевелился Джахар. Спешившись, он дотронулся рукой до песка и тут же отдернул ее. И в явном раздражении произнес:

– Хиса! Где ты прятался, когда мы готовились к экспедиции? Знаток Пустыни... Получается, мы ничего о ней не знаем! Песок, жара, – такое понятно. Но почему моментально исчезло то, что должно уходить медленно? Мы внутри миража?

Джахар повернулся в ту сторону, откуда они только что явились. Потом обратно. И уверенно заключил:

– Нет, так быть не может!

– Конечно, не может, – поддержал его Ангий, осуждающе глянув на Хису, – Получается, не обрета еще ничего, мы потеряли всё, что имели. Мы не знаем, в какой стороне наши дома. Айлы без домов не живут. И без садов тоже. Но теперь, похоже, возвращаться нам некуда.

Глафий с Арри тоже спешили и попытались определить стороны света. Иш-Арун стоит в зените, но выглядит необычно. Пылающий белесый шар не имеет четких границ, словно понемногу растворяется и растекается по лишенному звезд и лун небу. Чужое небо и под ним безжизненный мир, также не имеющий границ.

Последним слез со своей Кари Нур. Выглядел он не так мрачно, как остальные.

– Да мы в Долине Миражей! – уверенно сказал он, – Это еще не пустыня. А так, предбанник... А жарко здесь только днем. Ночью холодно. Так холодно, как мы и не знаем.

– Ты прав, юный друг! – согласился Арри, сделав несколько шагов по ослепительно белому песку по направлению к красному бархану, – Не знаем! Упущен важный момент. Хиса обязан был передать нам свои знания о Тайхау. А откуда тебе известно о Долине Миражей? И где тут долина? Мы стоим на ровном пяточке размером с поле для игры в мяч. А кругом – горы и холмы песчаные.

Нур не стал объяснять, откуда он узнал о Долине Миражей. И даже не отреагировал на взгляд Хисы, показывающий недоумение. И продолжил:

– Еще ее называли Долиной Исчезновения. Она была и до последнего Азарфэйра. Только в другом месте. У Пустыни есть хозяин. Он и создает всякие видения. Или скрывает то, что есть. А еще: эта Долина способна показывать и прошлое и будущее.

– Мир магии? – с сомнением и недоверием сказал Хиса, – Я бывал тут, и ничего такого не замечал. Волшебство, колдовство, чары духов... Когда-то и я о таком слышал. Когда был

в твоём возрасте. Слухи, фантазии... Хозяин или Хозяйка Пустыни? А встретиться с ним, – с ней, – можно?

Неясно, кому Хиса задал вопрос. Да и кто мог ответить на него? Нур посмотрел на Сандра и сказал:

– Пустыня отделила наш мир от остального. А может, Пустыня, – это защита?

Но командир остановленного первым же миражом оперотряда ещё не завершил создание в своём сознании полной картины происходящего. А без такой картины не считал себя способным на оценки или решения. Ведь даже направление дальнейшего движения не определить!

– Мой отец... Группа Ахияра преодолела эту Долину! – не очень твердо сказал Нур, – И мы преодолеем. А волшебство и колдовство действуют только для тех, кто мало знает и мало понимает. Я помню уроки Инсара. Разве Пустыня Тайхау больше, чем Большой Мир? Или даже наш, не такой великий?

Сандр выслушал взрослые слова Нура, но не удивился. Только отметил: юный айл при первом же затруднении показывает себя разумнее других. Волшебство... Дух Пустыни... И на самом деле, песок с пяточка, на котором замер отряд, исчез, обнажив белую растресканную глину. Разноформенные куски её блестят так, что глаза заслезились. Глина для отряда не лучше песка. Вспомнилось вдруг, что в прошлую эпоху из обоих материалов возводились здания, сравнимые по размерам с Храмом. Айлы забыли технологию из-за ненужности.

Светило продолжало сиять на вершине неба. Зной усиливался. Лошади беспокойно шевелились и тревожно ощупывали ноздрями непривычные высокотемпературные ароматы.

– Так! – решил высказаться и Глафий, прославленный среди айлов за многие качества, среди которых как обширность талии, так и молчаливая сдержанность, – Пустыня бывает и глиняной. И то, и другое поближе бы к Кафским Горам. Пусть Империя преодолевает миражи Хозяйки Пустыни. Ведь она тоже не на Седьмом Эоне обитает. А?

«Именно, – согласился внутри себя Сандр, – Никакая Хозяйка или Хозяин в любом Арде не имеет абсолютной власти. А может, и никакой не имеет. Это мы можем им позволить или не позволить». Только Сандр подумал о своей независимости, как волна тоски-печали растворила его ожившую решимость. На её место пришла мысль, неизвестно где ранее прятавшаяся. «Все границы условны. Они не существуют сами по себе. И здесь можно жить. Жить и дружить, дружить и жить...»

«Кто это собирается со мной дружить?!» Сандр тряхнул черными кудрями и твердым голосом, соответствующим, по его мнению, должности командира, сказал:

– Отряд! Утро приходит не с рассветом. Оно начинается с открытия век. И совсем неважно, где в этот момент светило. Оно всегда на своем месте. А мы – на своем. Только так!

Сказал и не поверил своим глазам: никто из отряда на него и не смотрел. И, похоже, даже не слушал. И, поняв, в чем дело, снова засомневался в себе. От ближнего бархана, не спеша, мягко и по-хозяйски ступая, к ним приближался кот по имени Малыш. Котёнок Нура! Мираж? Обман, колдовство? Но какая достоверность! Ведь не просто какой-то неопределённый, незнакомый, безличный кот, а именно Малыш! Коричневая с белым мордочка, полосатые лапы, пушистый хвост...

Нур, как и положено, среагировал первым и рванул навстречу Котёнку. Именно рванул, как на школьных соревнованиях по бегу на короткие дистанции. И никакой спортсмен, пусть даже сам Джахар, сейчас не смог бы его опередить. Вернулся Нур медленным шагом, сияя счастливыми глазами, прижимая довольно мурлычущего Малыша к груди.

С появлением Малыша обстановка в оперотряде переменилась. И вопрос «Куда идти?» решил быстро. По предложению Нура:

– А куда Малыш, туда и мы...

Хозяйка Пустыни никак не отреагировала на переход Котёнка из Арда Айлийюн. Арри пояснил, что у нее и без того много дел. Пустыня большая. И что ей отрядик маленьких айлов?

Сандр заметил, что с растерянностью Арри расстался прежде других, и определил ему место направляющего. Сам же с Нуром замкнул колонну, двинувшуюся туда, куда махнул лапой Малыш. Сам же кот расстелился на плечах Нура и тихонько журчал веселую песенку, то и дело поглядывая прищуренным зеленым глазом на Сандра. Определенно, Котёнок доволен собой и своим героическим поступком. А перемена жизненного климата его несколько не расстраивает. Но Сандр заинтересовался случаем такой исключительной преданности, и попросил:

– Нур, расскажи мне... О Котёнке и о себе. То, чего я не знаю. Если можно...

Нур наклонил голову и Малыш лизнул его в щеку. И показалось Сандру, что кот передал Нуру своё разрешение на рассказ. И Нур, легко вздохнув, поведал их общую историю

– Сандр, ты ведь понимаешь... Маленькие айлы – тоже айлы. И у них случается то же, что и у взрослых. Однажды мне сделалось очень печально. Не помню, почему. Или без причины... И так было много дней и ночей. Я никому не говорил: ни учителям, ни Фрее, ни тебе. И вот одной ночью мне пришел сон. Через несколько дней, – еще. После – еще раз. Один и тот же. Во всех трех снах был показан маленький котёнок. И я узнал, что это мой котёнок, который скоро придет ко мне. Эти сны сняли с меня печаль. И я стал ждать. А ждать тоже трудно, ведь правда? Ты же знаешь, у Фреи есть любимая кошка. Она такая независимая и самостоятельная... Живет неизвестно где, но часто приходит погостить в наш дом. А уж когда приходит пора принести котят, она обязательно является. Причем за день до того. У нее их всегда по три, и все красавчики с рождения. И вот, пришла она в тот раз вечером, а на заре, перед рассветом, появился один новорожденный котёнок, а не три, как обычно. Но больше прежних раза в два, и какой-то неприглядный, несимпатичный. Я взял его на ладонь, чтобы рассмотреть получше. Потому что ждал своего котёнка. А вдруг это он? И только начал присматриваться, как в мое левое ухо вполз шепот: «Какой же он некрасивый и неприличный! Брось его в воду, брось! Он не твой, он не нужен тебе...» И я заколебался. Да, Сандр, впервые в жизни. Но ведь и шепот такой я слышал впервые. Я думал, как поступить, когда услышал голос откуда-то справа: «Разве ты забыл свои сны? Разве не они убрали твою печаль? Не всё такое, каким оно кажется на первый взгляд. Этот – тот самый котёнок, которого ты ждал...» Вот такая была история.

Закончив рассказ, Нур с вопросом посмотрел на Сандра. Как и кот Малыш... А Сандр оценивал его новым взглядом. И укорил себя за то, что недостаточно знает о Нуре. Да, кот еще тот! Красавец, а размером как тигренок. Да и расцветкой похож. Тигры, с позволения Ольди, иногда появляются в Арде Айлийюн, радуя детей. История с появлением Котёнка заставляет крепко подумать. Такие сны приходят откуда-то... Откуда? И как они воплощаются? Неужели сообщается в снах то, что уже имеется в реальности? В той реальности, которая пока не свершилась здесь? Не свершилась, но уже имеется...

В Свитке о таком наверняка упоминается. Иные народы-племена в Большом Мире могут знать больше айлов. А пока...

– Да, теперь я уверен, вы созданы друг для друга, оба! – твердо согласился Сандр, – И я рад этому.

В ответ оба, – маленький айл и большой кот, – довольно улыбнулись. Определенно, вдвоем им настолько хорошо, что они не замечают ни усиления сухой жары, ни порывов пыльного жгучего ветра, заставляющего лошадей клонить головы и отфыркиваться. А оперотряд,

составленный из не худших сынов народа айлов, остановил движение второй раз за первый, незавершенный день пути. Небо впереди потемнело, из бледно-голубого став серо-вишневым. Темная тяжелая завеса приближалась, закрыв небосвод и чуть не задевая верхушки барханов.

Айл, привыкший к бездонному и бескрайнему небу над головой, не может нормально жить, когда над ним нависает тяжкий, отвратительный на цвет, угрожающий обрушиться потолок размером в это самое небо. Лица айлов потемнели, губы пересохли, тревога охватила всех. Хиса подъехал к Сандру и попросил остановить отряд. Выслушав его, Сандр согласился.

Из собственных припасов Хиса извлек семь платочков, раздал каждому и показал, как ими перевязывать лицо, чтобы пыль не проникала в легкие. Нашлись у него повязки и для лошадей. Выходит, отшельник Хиса, знающий Пустыню лучше других айлов, готовил к путешествию не только себя. И его знания пригодятся впереди. Ведь путь только начался. Но знойный ветер, неся с собой невидимую тонкую пыль, проникал под одежду, обволакивая тела беспокоящей грязью.

Ангий, сверкая над повязкой потемневшими глазами, высказал благодарность Хисе и не удержался от почти жалобы:

– Сандр! Мы так высохнем. И превратимся в грязные мумии. Если наши лошади не сделают это первыми...

«А лошади сделают это первыми, – подумал Сандр, – Нескольких таких дней и ночей будет достаточно. Если мы не научимся искать источники воды».

– Будем надеяться на опыт Хисы, – сказал он, – Не будем предугадывать самое плохое. Мы еще не испытали, какова здесь ночь. Я понимаю тебя, Ангий. Но первые сутки до припасов не дотрагиваться. Ни крошки, ни капли...

Нур обеспокоенно смотрит на завесу, становящуюся все ближе, тяжелее и темнее. Сандру ясно, – он беспокоится о Малыше. Похоже, начинается настоящее испытание. А маленький его отряд боится не того, что ощущает, а того, что предстоит. Ведь крепко привыкли к устойчивой безмятежности за долгие и спокойные времена.

Завеса стала лиловой и скрыла почти все небо. Только позади, недостижимо далеко, светится белесая узенькая лента над желто-серыми волнами. Но тьма не наступала, хотя мрак навис чуть ли не над головами. Горячий обеспокоенный воздух то ли светился сам по себе, то ли его пронизывало сияние, исходящее из глубины лиловой завесы,

Лошади шли со склоненными головами. Из-под копыт со звонким шорохом выбивались светлые струйки. Ветер почти стих, но вихри бело-лилового песка продолжают крутиться по барханам, то приближаясь, то отдаляясь. Беззвучная опасность кажется непонятной и оттого более грозной. Сандр задумался о возможных способах преодоления психологических проблем в отряде и на какое-то время отключился от внешней обстановки. Вернул в реальность тревожный возглас Джахара, указывающего рукой вперед.

Нур! – мгновенно осознал Сандр и хлопнул ладонью по загривку Воронка. Конь в три прыжка опередил колонну и остановился рядом с Кари, каким-то образом возглавившей колонну. А в нескольких шагах перед ней, у подножия бархана, расположилась львиная семья.

Лев, размером заметно побольше Ольди, львица и трое почти взрослых котят. Цветом львы Пустыни мало отличались от песка и потому, вероятно, Нур с Кари не заметили их вовремя. Но зачем ему понадобилось выйти в голову отряда!? Яркие желтые глаза львицы горят то ли ненавистью, то ли неудовлетворенным желанием.

Медлить нельзя. Готовая к действию львица способна свалить в прыжке и Воронка. А уж маленькую Кари... Сандр спрыгнул на песок и уверенно пошел к львиному семейству. Его неожиданное поведение заставило львицу присесть и заурчать. Лев и котята вели себя спокойно и наблюдали за Сандром без видимой враждебности. Итак, львица у них главная, решил Сандр. И остановился в трех шагах перед ней, не сводя взгляда с устрашающей морды. Во взгляде ее читалось непонимание. Бесстрашие и непредсказуемость в действиях не виданного ранее существа отменили все имеющиеся на данный момент желания. Она не знала, как поступить.

А тут еще...

Сандр ощутил мягкое прикосновение к левой ноге. И краем зрения увидел Малыша, принявшего позу львицы. Малыш, совершенно невозмутимый, изучал львиное семейство, переводя взгляд с одного его члена на другого.

Внутренним чутьем Сандр определил: Нур стоит в шаге позади, готовый защитить Котёнка хоть от десятка львов и львиц. Остальной отряд застыл в ожидании команды. Пришлось вспомнить высказанное на Комитете сожаление Фреи по поводу отсутствия у айлов какого-либо оружия для уничтожения живого врага. Без оружия ушла и группа Ахияра.

Но вот вопрос: смог бы он, Сандр, воспользоваться в данный момент этим оружием? Нанести увечья или подарить смерть? А Глафий? Или Нур?

Сколько они простояли друг против друга, обитатели и гости Пустыни? И почему такое случилось вообще? Ведь айлы изначально живут в мире со всеми животными! Развела противостояние сама Пустыня. В тяжелой лиловой завесе, заслонившей небо, образовался проём, и сквозь него устремился вниз яркий свет, охвативший отряд айлов. Всё остальное кругом стало серым и непривлекательным. В то время как лица и одежды айлов, тела лошадей и даже поклажа, притороченная к их седлам, – всё заиграло яркими сочными красками. А еще через мгновение от оперативного отряда начало распространяться сияние.

Львица по-кошачьи муркнула, лев и котята зажмурились. Затем львица неохотно поднялась, повернулась и направилась за ближайший бархан. А за ней и грозное семейство.

Поднебесное покрывало просветлело, и на горизонте в направлении движения, избранном Малышом, открылась живая картинка: спокойной синей воды озеро, с высокими пальмами по берегу. Пальмы – совсем как те, что окаймляют внешнюю границу материковых садов айлов.

– Хиса! – требовательно спросил Сандр, – Это на самом деле или опять мираж?

Хиса зачем-то потрепал свою Тойру по холке, оторвал взгляд от озера на горизонте и посмотрел на Сандра. Через глаза его сквозила неуверенность. Скорее всего, решил Сандр, он боится оказаться несостоятельным как знаток Пустыни. И потому нерешителен в суждениях и поступках. Пройдет...

– Командир! – негромко ответил Хиса, переведя взгляд на озеро с пальмами; в глазах его мелькнул явный страх, – Пустыня не так уж страшна. И совсем не бесконечна.

А озеро выглядит вполне реальным. И пальмы по берегу... Те самые пальмы, окаймляющие Дальние Сады, которые скрыла от них Долина миражей.

– Я вижу.., – неуверенно сказал Хиса, – Пальмы как наши... Вход в наш Ард? Мы просто перепутали стороны света...

– Нет, – твердо возразил ему Ангий, – У наших пальм рядом нет большой воды. Там родники да ручьи. Разве ты забыл?

Сандр ожидал дельного совета, а не размышлений ни о чем. И решил двигаться навстречу видению, даже если это мираж. Но скомандовать не успел. Малыш, спокойно лежавший на плечах Нура, встал на лапы, изогнул спину и зашипел, смотря горящими зеленою глазами прямо перед собой. Нур застыл, будто впал в транс, и побледнел. Сандр попросил Воронка встать поближе к Кари. Страх в глазах Хисы, странное поведение Котёнка, оцепенение Нура... И всё – одновременно!

Сандр протянул руку и коснулся плеча Нура. Малыш тут же успокоился и потерся головой об ухо Нура. Оцепенение с того спало и он повернул по-прежнему бледное лицо к Сандру. Глаза горели решимостью и готовностью к действию. Страх, как у Хисы, не было вовсе. Но голос Нура выдавал волнение:

– ...он сказал мне... Можно, я перескажу точно?

– И кто же этот он? – нетерпеливо спросил Ангий, поглядывая на оазис.

– Хорошо, Нур, – согласился Сандр.

И Нур заговорил не своим, глухим, с низкими тонами, голосом:

– У меня много имен. И я – Араска, запомни это моё имя! Я – твоя погибель, я – твой недобрый рок. Вот я и достал тебя. И теперь не оставлю. И уж постараюсь, чтобы ты, маленький вредный айлик, навсегда остался тут, в самом ужасном месте твоего ничтожного Арда. Иди к поклаже, найди лопату и копай себе яму поглубже...

Котёнок при звуке этого недоброго голоса снова изогнул спину и зашипел. Похоже, Малыш способен видеть то, что недоступно айлам...

– Так он сказал, – закончил рассказ Нур, – Араска... Почему он хочет закопать только меня?

Испуга Сандр в словах и глазах Нура не ощутил, но растерянность, – да. Глафий, с сочувствием глянув на юного спутника, сказал:

– Угроза тебе, Нур, – угроза всем нам. Араска избрал тебя для атаки, потому что решил, что ты из нас самый слабый. Но это не так.

– Нет, Глафий, – возразил Нур, – Не только поэтому. Он знает нашу задачу. И мою... Он еще сказал... Да, это тоже был он, и говорил голосом Фрей. Он сказал: «Мальчик мой... Ты устал, тебе надо отдохнуть. Ну куда ты идешь? Да к тому же с этим ненадежным безоружным отрядом. Они из блуждающих по жизни, они в маленькой пустыньке заблудились. В самом ее начале! Они сильнее тебя, старше, они выживут. А ты... Брось их и вернись домой. Мама твоя ждет тебя, ведь осталась совсем одна. Даже Малыш твой покинул меня. А если и ты пропадешь, что будет со мной? Подумай, сыночек мой...»

Нур закончил говорить и смотрел на Сандра печальными глазами. Кот, имеющий два имени: Котёнок и Малыш, в полном спокойствии облизывал красным язычком мочку его уха. Второе откровение, от имени Фрей, его не заинтересовало. Но Котёнок видит то, чего не видят айлы. И понимает по сути в этом не меньше. Ведь в одиночку проделал такой путь к Нуру! Надо учиться воспринимать образы, доступные животным.

– Сандр, откуда он знает голос Фрей? Ведь это не она говорила! Она так не могла сказать!

Сандр спешился, подошел к Нуру. И пеший он выше Нура верхом на Кари. погладил Котёнка по голове, тот в ответ лизнул его палец. Отряд смотрел то на Нура, то на далекое озеро в тени пальм. Отряд колебался. Уж слишком манящее видение... Сандр понимал, что надо ответить Нуру, но в то же время говорить для всех. Первый день клонился к вечеру, он оказался долгим, неожиданно опасным, и показал общую слабость отряда. А впереди таких дней сотни, даже тысячи, возможно. И повернуть назад нельзя. Одно ясно – противодействие отряду началось сразу. Зло подступило очень близко к Арду Айлийюн. Радуга не меняется сама по себе. И зло осведомлено о каждом из них, и очень хорошо.

– Нет, не Фрея... Не бойся, Нур. Если б этот Араска был в силе, он уже покончил бы с нами. Но он может только пугать и путать наши мысли и чувства. Он не страшнее тех львов. А ведь ни ты, ни Малыш твой их не испугались. Нас немного, но мы вместе. А если вместе хоть два айла, им некого бояться в любом из Ардов. Разве не так?

И Сандр обратился сразу ко всем:

– Разве не так, яростный оперотряд? Или мы трусливее и слабее Малыша?

Глафий смутился и заметно покраснел круглым лицом. Видно, застыдился собственных мыслей и недостатка решимости. Остальные члены отряда сумели скрыть свои чувства. И Сандр продолжил:

– А если так... По коням, отряд!

Улыбнувшись Котёнку и погладив полосатую черно-коричневую спинку, спросил:

– Итак, Малыш? Мы правильно идем?

Малыш качнул головой и снова лизнул палец Сандра. Прикосновение было сухим и шершавым. Котёнок страдал от жажды? Нет, едва ли, животные айлов могут, как и они сами, обходиться без воды и пищи неделями. Скорее всего, стресс. Но его потребности – дело Нура. А Нур вспомнил, – к месту или нет? – о своем учителе Инсаре. Инсар считает себя специалистом по древней магии, Нур им восхищается. А Сандр не принимает всерьез. Какая еще магия, если ты айл, и тебе дано столько, что желать больше неправильно.

– Я попробовал применить его уроки, ничего не получается. Или я плохо учился, или знания здесь бесполезны, – пожаловался Нур.

Сандр промолчал и махнул рукой на запад. Если Малыш верно определил курс...

Путь к оазису продолжался до сумерек. Но озеро с пальмами по-прежнему стояло у горизонта, не приблизившись ни на шаг. Небо очистилось совершенно. Светило уходило за горизонт, но небо не обещало ни звезд, ни лун ему на смену. Со стороны озера появилась стайка птиц, одна из них отделилась и решила подлететь к отряду. Взвзвизывая ниоткуда песчаный вихрь закрутил ее и бросил к копытам коня Сандра, идущего впереди.

Сандр спешился, но Нур опередил его и взял птичку на ладонь. Интересная птичка, непохожая на тех, что водятся в Арде Айлийюн. Там они разноцветные, яркие. А эта – серенькая, с коричневым отливом на крылышках, черным клювом. Но присмотреться, – и ощуcaешь скромную, неброскую красоту. Природную красоту, не требующую яркости. Коричнево-голубые глазки помутнели и смотрели на айлов с просьбой о помощи.

– Сандр, может, воды дать? – спросил Нур, – Ей совсем плохо.

Сандр посмотрел на небо. Стайки не наблюдалось. И кивнул Джахару. Тот принес фляжку из дерева Элья, усиливающего полезные свойства сохраняющейся в ней жидкости. Но и эта лечебная вода не помогла. Щелкнув клювом, птичка дернулась невесомым тельцем и затихла. Всё... Сдерживая слёзы, Нур принялся руками разгребать песок, стараясь вырыть ямку поглубже. На помощь пришел Джахар. Зло засвистел ветер, песок заваливал ямку, рядом закрутились небольшие вихри, больно стегая по лицам. Упокоить птичку удалось с трудом.

Опустились сумерки, видение озера на горизонте скрылось в темно-желтом тумане.

– Придется сделать остановку, командир, – предложил Ангий, на правах старшего возрастом, сочувственно смотря на расстроенного Нура, – До утра. Иначе рискуем отклониться...

Сандр взглядом переадресовал вопрос Хисе. Тот коротко сказал:

– Это будет правильно.

Сандр согласился.

– Лагерь не будем разбивать. Лошадей – по кругу, пусть лягут. Мы – в центре.

Не успели устроиться на ночлег, как начался песчаный шторм. Сандр вытащил из своей поклажи накидку, укрыл Нура с Котёнком, сам ненадолго прилег рядом. Хиса занялся укутыванием лошадей, пришлось подняться, помочь. Ветер, кажется, дует отовсюду. Несомый им песок действует как наждак в мастерских по деревообработке. Свист и глухой шум перемежаются с грохотом, будто рядом кто-то сталкивает крупные камни. Высоко в небе просверкивают зигзаги молний. Сандру даже показалось, что он заметил на предполагаемом севере сполох, насыщенный темно-красными тонами. Но рассматривать происходящее нет ни желания, ни возможности. Требовалось защитить себя и обеспечить безопасность Нура, с которого налетающие вихри то и дело срывают накидку.

После полуночи ветер стих и воздух посвежел. К рассвету Сандр, выбравшись из кучи песка, освободил из песчаного плена Нура с Малышом, осмотрел лагерь и окрестности. Айлы поднимали лошадей, и очень вовремя. Хиса быстрым шагом обходил место привала. Пытается найти место быстрой эвакуации, понял Сандр. Отовсюду к ним приближалось войско Хозяйки Пустыни. Змеи, скорпионы, ящерицы... Десятки, сотни... Сандр поднял голову. Низко в небе почти бесшумно кружат невиданные птицы: почти без оперения, с громадными хищно изогнутыми клювами. И – ни звезд, ни лун. Заря, указывая восток, окрасила всё алыми пятнами и багровыми тенями. Другие цвета отсутствуют.

Хиса вернулся ни с чем. Кольцо нападения не имело брешей. Требовалось срочно готовиться к защите-обороне. Опять вопрос оружия!? В ход пошли копыта и малые лопаты. Через час битвы ядовитое войско отступило, оставив на песке жуткие остатки-трупы.

Ночная буря, утреннее нападение... Оптимизма они не прибавили. Усталые, айлы уселись под красным барханом, с его крутой подветренной, багровой стороны.

– Сандр, а ведь это только начало, – с трудно давшейся улыбкой сказал Арри, – Сколько еще будет всего?!

– Арри! Ты был и есть лучший из тех, кто когда-либо делал ткани для нас. Наши одежды несколько не пострадали. Даже шлифовка песком не причинила им вреда. Да, ты – лучший в своем деле. И ты сам настоял на включении в оперотряд. И ты понимал, что предстоит не развлекательная прогулка.

– Да, я согласен, – уже без улыбки согласился с Сандром Арри, – Но... Может быть, мы выдержим весь путь, привыкнем к испытаниям, закалимся и всё такое. Но Нур... С ним не пройдем. А без него – нельзя. Что делать?

«Так, – сказал себе Сандр, – Он прячет свою слабость за беспокойство о Нуре. Вот и первая тень лжи... Если есть тень, есть и... Придется быть мне жестким и даже жестоким. Со всеми, кроме Нура и Котёнка. И жестче всего с самим собой. Нур, похоже, отказался от попыток облегчить ситуацию магией Инсара. Но Арри или кто другой могут склониться».

И, придав голосу максимальную твердость, он сказал:

– Не лицемерь, Арри! Отряд! Перестаньте скрывать свою слабость от самих себя! Вы слабы не телом, не возможностями, не отсутствием оружия. Вы слабы духом, душой. Вы разнежены как маленькие девочки. Если мне придется гнать вас вперед, используя всю свою физи-

ческую силу и напряжение воли, я это буду делать. Если понадобится кого-либо связать или привязать к седлу, чтобы не мешал задаче, – я это сделаю! Если будет необходимо завязать кому-нибудь рот, чтобы никто не слышал его стонов, сделаю это. Не поможет, – зашью этот рот нитками из припасов Арри. Я сделаю всё, что в моих силах, но задачи, поставленные нам народом айлов, будут исполнены! Что неясно?

Отряд замер. Все переваривали сказанное командиром. Непобедимый Сандр никогда не говорил так. Каждый айл Арда знает: Сандр в их народе самый высокий, самый сильный, самый волевой. Он слишком могуч и талантлив телом и духом, чтобы идти против него, даже на спортивных соревнованиях. В которых он никогда по этой причине не участвовал. И если Сандр что-то обещает, он это делает. И Сандр никогда не способен на грубость. Но не это стало сейчас главным. Главным стал стыд, охвативший оперотряд. Но как тяжело признать его...

– И ты будешь прав, что бы ни сделал, – негромко согласился Ангий, поглаживая седую голову дрожащей рукой, – Мне неудобно и стыдно перед теми, кто отправлял нас в путь. И я больше не буду жалеть себя. Мы, айлы, – не слабый народ. И страх – не наш удел...

– Не наш? – раздраженно сказал Хиса, не поднимая взгляда, – Мы что, сверхсущества? Из Высшего Эона? И нас прикрывает Высшая Сила?

«Странная реакция, – удивился Сандр, наблюдая, как Хиса прячет взгляд; правильные черты лица вдруг потеряли холодную красоту, – Он же знает Пустыню. Но скрывает почему-то знание. И внутри себя он держится нормально, невозмутимо. В чем тут дело? Или знает слишком мало?»

– Высший Эон? – как-то слишком задумчиво сказал Глафий, покусывая рыжий ус; оттого слова получались искаженными, наполнялись тайным смыслом, – Нам говорили с детства... И мы повторяли своим детям: мир живет не сам по себе. Если сам по себе, – то откуда и как? Никак и ниоткуда! Я убежден в этом, хоть и не обладаю точным знанием. Странное убеждение, ни на чем не основанное... Да, Свиток... Высшая Сила, которая нами управляет... И где-то там, за той границей Тайхау, – он махнул рукой в сторону, где еще вчера сверкало обманной синью озеро, – кто-то знает об этом хорошо и твердо. И мы найдем знающих. Вот так!

Отряд, все как один, смотрел в сторону, указанную Глафием. Мираж исчез, но разочарования его пропажа не вызвала. Пустыня Тайхау играет с ними в собственную игру, но айлы обретают иммунитет.

Джахар продолжил неожиданный разговор на заоблачные темы:

– Но... Высшая Сила! Если она Высшая, тогда и Империя под ней? И на самом деле угроза исходит от самой Высшей Силы. Логично?

– Да-а, – Сандр решил на максимально возможное в данных условиях откровение, – Что касается Высшей Силы, или Седьмого Эона, я в этом понимаю не больше любого. Вы помните мою маму, Лину. Она занималась в Комитете координацией актуальных проблем и перспектив нашего развития. Я продолжаю ее дело. Ахияр работал над предупреждением глобальных катаклизмов. Его лабораторию присоединили к моей.

Сандр оценил реакцию отряда на свои слова и продолжил:

– Я так и знал. Мало кто осведомлен об этой стороне деятельности Комитета айлов. Тем не менее... Как координатор я уверенно утверждаю: если не Империя, так нашествие с Темного материка. Если не нашествие, так новый Азарфэйр. Мы неизбежно получим заслуженное, если не успеем перемениться. Или кто-нибудь считает, что айлы – венец мирового разума? Совершенство и непогрешимость? Да, прошедшие день и ночь были долгими и трудными. Но всего лишь один день и одна ночь. Всего лишь! Несколько часов! И мы, совершенные айлы, почти сломались.

Джахар первым осмыслил сказанное Сандром.

– Нет, не сломались! Всего лишь растерялись. Всего лишь!

Сандр улыбнулся Малышу, который вдруг прыгнул с плеча Нура ему на руки.

– Вот как?! – с улыбкой сказал он, – Тогда вперед...

Птица Роух

Первые, – по определению Джахара, «ударные», – сутки отодвинулись течением перемен в незабытое, но прошлое.

Оперативный отряд менял день на ночь, ночь на день, теряя точный счет восходов и закатов. Шаг за шагом... В постоянном контроле запасов воды и еды, в подсчете длины пройденного пути. Считать трудно: Пустыня не замечает отряд. Ни ветерка, ни самого маленького смерчика. В любом дне, в любой ночи не за что зацепиться.

День за днем, ночь за ночью...

Пока однажды ставший уже привычным желто-красный рассвет закрыли огромные крылья. Вначале тихий шелест, затем шумный шорох развеяли единственную темную тучку, в которую с надеждой всматривались айлы, собираясь в очередной дневной переход. Только дождь мог принести преобразование как во внешний, так и внутренние миры. Но явление с неба, устранившее причину ожидаемой радости, воодушевило айлов больше, чем если бы всю Пустыню накрыл тропический ливень.

Громадная белая птица, сияющая ярче обеих лун Арда Айлийюн в фиолетовой ночи, сделала круг над местом привала оперотряда. И медленно, плавно опустилась в сторонке, перед Нуром, замершим с Малышом на руках. И как он сумел оказаться в нужной точке? Белая птица опустилась на желто-серый песок и заговорила голосом, вобравшим в себя голоса Сандра, Фрей, Ахияра и... Голоса многих айлов сплелись в один голос, родной и понятный каждому. Птица заговорила, склонив голову на уровень головы Нура. И, – чудо! – их лица мало чем отличались. Разве что размерами.

– О друг мой и повелитель! Прости за опоздание. Мне предназначено служить тебе на твоём Пути. С самого начала... Но посмотри на мои размеры... Слишком велики для вашего маленького Арда, не так ли? Переполох там ни к чему, так ведь?

Белая птица Роух...

Преданный друг и помощник айлов...

Сколько о ней рассказов передается из поколения в поколение! Явление её – праздник. Перед её прилетом уходит дурное, а с ней нисходит хорошее и доброе. Неужели она обитает в Пустыне? Да она одна способна разогнать любой прайд львов, поднять в небо и сбросить вниз любое злое существо и целую скалу. Рядом с ней не надо никакого оружия. В одной из легенд говорится, как в доазарфэйровскую эпоху она однажды перенесла морской корабль через рифы во время шторма и мягко опустила в тихую гавань.

– Друг мой! – продолжала белая птица Роух, – Почему ты не спрашиваешь меня строго? Спроси прямо: «Где ты шлялась, негодная курица!» Нет, лучше так: «Где ты шлялся, негодный петух!» Я готов к наказанию и выговору.

Ошарашенный и явлением, и речью, Нур автоматически повторил:

– Где ж ты...

Но тут же опомнился:

– Нет-нет... Я не хочу наказывать тебя. Ты такая большая, красивая и добрая...

– Ну-у... Я – большой, красивый и добрый! И, Нур, я предназначен тебе. Я ждал столько лет, пока ты покинешь тихую обитель айлов... Я помогу тебе и твоим спутникам. Чем могу. Чем разрешено.

Тут белая птица подняла почти айловскую голову и осмотрела огромными синими глазами отряд. Сандр отметил: в глазах ее действительно светится доброта, симпатия к айлам. Но еще он заметил: Роух смотрит и с хитрой иронией, и с вызовом.

– Нур, – сказала птица, – Ты можешь позволить им говорить? Если так, я готов их выслушать.

И Роух, чуть приподняв крылья, передвинулся немного в сторону. От движения крыльев поднялся ветер и снес Котёнка от Нура на несколько шагов. Но Малыш нисколько не обиделся. Он смотрел на белую птицу так же, как и Нур: с любовью, восхищением, даже с обожанием. Так же, как и лошади айлов.

А Роух ждал. Отряд молчал, потрясенный близостью легенды многих поколений. Сандр, преодолев неуверенность, подошел ближе, взял Малыша на руки. Обязывала должность командира... Должность, которая ему не нравилась, внутренне не подходила, но куда денешься? Положение обязывает, вот и...

– Мы рады тебе, Роух, – сказал он, смотря ей в глаза, – Дано ли тебе знание предстоящего? Если да, то скажи: достигнет наш поход своих целей?

Роух долго смотрел в глаза Сандру. И, качнув головой то ли укоряюще, то ли поощрительно, ответил голосом Ахияра:

– Случится, как предписано. А чтобы желаемое вошло в свершенное предписанное, надо потрудиться. Вам придется поработать за весь ваш народ. И не только за него... Но разве вы не способны?

Котёнок, удобно устроившийся на груди Сандра, подтверждающее мурлыкнул. Роух улыбнулся Котёнку, отошел на пару десятков шагов и, подняв вихрь песка, легко взмыл в светлое небо.

Странная получилась встреча. Удивительный вышел разговор.

Проводив взглядами Роух, исчезнувшего на востоке, оперотряд быстро собрался и продолжил дорогу. Песок уже не связывал копыта и ноги, жара будто уменьшилась, дышалось легче. К вечеру, прямо над гаснущим закатом, поднялась луна. Пусть одна, не две, как в Арде Айлийюн; но стало светлей и почти комфортно. Вслед за серебристой Идой, впервые за весь путь, зажглась звезда. Тоже одна. Звезда Нура, он ее узнал сразу.

И айлы решили не останавливаться на ночь. Тени сгущались и ложились ломаными густыми полосами на барханы. Прохлада скапливалась в ложбинах и накатывала освежающими волнами. Лошади шли легко и радостно. Злой песок вел себя мирно, от него не исходило ни малейшего тревожного звука. Только мирным шелестом вздымался облачками от ударов копыт.

Перед рассветом луна ушла, звезда погасла. И проснулся Хозяин Пустыни. И заметил путников. И появилась на северном горизонте тоненькая колеблющаяся струйка, очень скоро обратившаяся в громадный вихрь, накрывший айлов плотным вращающимся облаком. Схватку со смерчем отряд перенес без остановки, и встретил восход Иш-Аруна изрядно потрепанным. После осмотра Сандр принял командирское решение:

– Отряд! Айлы! Исполнился месяц со дня прощания с Ардом. Долгий месяц борьбы с Пустыней и самими собой. Мы заслужили отдых, настоящий, суточный, без борьбы и тревог. А после отдыха, думаю, нам предстоит еще один бросок. И мы преодолеем нескончаемый песок.

Никто не возразил. Выбрали ровную площадку среди дюн. Площадка, после близкого рассмотрения ее Глафием и Арри, стала еще одним добрым знаменем. Оказалось, они расположились на плитах древней дороги, сооруженной во времена доазарфэйровские. В ознаменование чего Сандр предложил удвоить порции воды, предназначенные лошадям. О Котёнке ничего не сказал: тот успел стать всеобщим любимцем. Да и Нур скорее себя лишит последнего глотка и кусочка, но Малыш не будет хоть в чем-то ущемлен.

Лошади айлов способны усваивать воду непосредственно из окружающего воздуха. Если она в наличии, конечно. В преданиях упоминается, что и айлы могут жить без питья и еды длительное время. Но экспериментов по проверке не проводилось. И, поскольку Сандр об айлах

ничего не сказал, они решили обойтись, как всегда, несколькими капельками воды с мёдом и кусочком сухой лепешки. Таков был суточный рацион, принимаемый один раз, вечерами.

Сандр последние дни держался поближе к Нуру с Малышом, стараясь не пропустить момента слабости самого юного и слабого из отряда. Стало заметно: временами Нур изнемогает от внутренней борьбы со страхами, голодом и жаждой, но всеми силами старается скрыть это. Трудное взросление досталось последнему сыну Фреи и Ахияра.

Вот и теперь: Нур даже не прикоснулся к воде. А лег на каменную плиту древней дороги, положив голову на туловище Кари. Та выглядит намного свежее всадника. Котёнок забрался на грудь Нура, обвил лапками его шею, прижался мордочкой к подбородку. Хорошо бы Малыша подкрепить, но ведь откажется, слишком разумен и предан Нуру. И Сандр сказал, обращаясь ко всем:

– А что, оперотряд, может быть, и нам удвоить сегодня норму потребления? Если праздник, то для всех?

Джахар сообразил, чего хочет Сандр, первым. И, быстренько собрав пиалы и тарелочки, наполнил их чистой водой и лепешками, и на подобии подноса из растянутого на палочках покрывала поставил на плиту рядом с Кари.

– Тут Сандру, Нуру, Малышу и Кари, – торжественно произнес Джахар, – Остальные во вторую очередь.

Нур благодарно улыбнулся Джахару и тотчас занялся угощением Малыша. Котёнок ел и пил не спеша, аккуратно, посматривая то на Сандра, то на Нура. Затем Нур занялся своей Кари. И только после приступил к своей порции. Сандр заметил, что он ухитрился оставить себе минимум, не больше чем обычно. Что ж, да будет так, решил Сандр. Нур не желает, чтобы его считали слабым мальчиком. И будет терпеть. И выдержит. А тогда и весь отряд справится с лишениями дороги. Хуже, чем в Пустыне, не будет. Но все-таки заметил вполголоса:

– Нур! Твоя задача не меньше той, которая лежит в целом на отряде. Ты сам по себе отдельный оперотряд. Тебе одному предстоит столкнуться с такими трудностями, о которых мы и помыслить не можем.

Но Нур ушел от разговора о своей исключительности. И неожиданным вопросом перевел его в другую тему:

– Арды, Эоны... Планеты, небеса... У всех номера, все отличаются... Откуда айлам известно?

Сандр даже хмыкнул от неожиданности и помял пальцами, как всегда в моменты неясности, крупные губы. И бросил взгляд на расположение лагеря. Айлы, лошади, – все на дорожных плитах, от которых пошла ощутимая прохлада. Еще не спят, но вот-вот...

– Точный ответ на твой вопрос обязана дать наша экспедиция. А пока... А пока будем верить в то знание, которое имеем. Согласен?

Нур пожал плечами и поправил лапку Котёнку: тот не умещался на груди Нура и во сне сползал вниз.

– Согласен – не согласен... Я думаю, из какого Арда, из какой планеты прорывается к нам Империя... Что там и как там? Возможно, отец мой уже знает... Расскажи мне о нем.

Сандр опять хмыкнул: такие вопросы дети не задают; такие вопросы обычно задают взрослые.

– Он, как и ты, само собой, из рода Айманов. Из Счастливых. Ахияр – лучший из них. Еще до его похода айлы присвоили ему второе имя – Атхар. Ты знал?

– Нет. Почему?

– Второе имя – как почетный титул, как награда. Дается не всем. Немногим. Имя Атхар означает: самый чистый. В каком Арде ты ни появишься, не забудешь, из какого ты рода и кто твой отец.

– Род Айманов? А ты из какого рода? А Фрея?

– И Фрея, и я... Мы все из одного рода. Айманы-Счастливые, они почему-то имеют трудную судьбу. Лучших из них до Азарфэйра называли Андарами, – источниками света и цвета. Таким источником был и твой отец. Нет, не был, – есть! И я рад, что он мой ближний друг. Когда собираются такие айлы, пусть даже двое, пустыни начинают зеленеть и цвести.

– Значит, мы еще не такие, – заключил Нур, с тоской оглядывая нескончаемые барханы, – Но если мой отец, как ты говоришь, есть, то мы с ним встретимся?

– Уверен, да, – твердо сказал Сандр, – Может быть, не все из нашего оперативного отряда, но ты, – точно. Встретишься!

Уставший Нур заснул, а Котёнок открыл глаза. Настало время его бодрствования и охранной заботы о самом близком существе. Небосвод стал темно-фиолетовым, и на нем, чуть выше западного горизонта, зажглась одинокая звезда.

Сандра тоже потянуло в сон. И пока он устраивался так, чтобы в любой момент вскочить на защиту Нура, вспомнилась еще одна проблема оперотряда, – сны и сновидения. Айлы любят сновидения и умеют ими управлять. Часто объединяют сны, делая их общими для многих или некоторых. Время снов, – время трепетное, драгоценное. Нельзя будить спящего айла без крайней необходимости. Именно через сны приходят айлам открытия, оздоровление, новые знания. Через них трудно пробиться в будущее, но возможно заглянуть в прошлое. Но только своё или близкого, не чужое. Иные пространства недоступны... Так случилось в результате Азарфэйра. До того возможно было посещать иные миры...

А здесь, в Пустыне, действует непривычный режим бытия. И со снами совсем не так, как в родном Арде... «Как поправить это?» – спросил себя Сандр и провалился в странное сновидение.

...Отсюда, с Луны, хорошо видна планета. Ард с неизвестным именем... Только вот очертания материков не разглядеть, – ослепительно белые облака закрыли почти всю сушу. Океан светится синью и голубизной. Чей это Ард? И чья Луна? И почему она одна?

Над Сандром прозрачный купол, через который без помех можно рассмотреть не только неизвестный Ард, но и звезды, рассыпанные по небу в непривычном порядке.

А под куполом, – целый город, спрятанный под испещренной кратерами поверхностью Луны. Город, состоящий из жилых комплексов, заводов, лабораторий... Сандру разрешено пройтись по улицам-коридорам, заглянуть в дома, не имеющие окон, пройти в круглые, герметичные люки-двери. Безопасность здесь, – самое главное... Разрешено, но только один раз. И войти в одно здание... Какое же выбрать?

Сандр доверился внутреннему чутью. И через полчаса ходьбы по мягким лунным улицам остановился перед стальным люком, с рисунком развернутой ладони в центре. Сандр приложил ладонь к рисунку: они совпали. Люк открылся, и он без колебаний шагнул внутрь.

...Он знает, как называются все эти приборы и понимает их предназначение! Хотя видит их впервые. Пульты управления, компьютеры, дисплеи... Металл, пластик, дерево... И, – айлы Луны, спутника неизвестной планеты. Айлы, одетые в почти одинаковые комбинезоны, сосредоточенно занятые каждой особенной работой. Из отдельных действий складывается Дело. Дело большое и нужное. Потому – великое.

...Просторная комната. Но айлов немного, чуть больше двух десятков. Правда, есть еще двери, ведущие в другие помещения. Но туда не успеть. Сандр остановился рядом с сидящим за столом-пультом. Отсюда он наблюдает за тем, что происходит на планете. У него четко определенная задача, ограниченная координатами времени и пространства.

Сандр видит его лицо сбоку, но на плоскости экрана-монитора оно отражается анфас. Интересное лицо: большие глаза с зеленой радужкой, большие уши, крупный нос, четко вырезанные губы... Такое лицо... Да, такое лицо может быть у Нура через десятки лет. Много общего, особенно в сочетании мелких мышц лица и осмысленности взгляда. Но нет, нет... Такое невозможно!

Тут засветился большой экран, занимающий почти всю центральную стену. И на нем проявилось лицо айла в солидном возрасте. Седина, морщинки... Умудренность опытом, понимание, сдержанность, забота... Да, все сразу. А взгляд обращен к тому, у стола которого задержался Сандр. Да, внимание седого, не замечая Сандра, тянется именно сюда.

И опять ощущение знакомости. Близкого знания, почти родства... Будто он знает седого, «Куратора» всех, занятых за своими столами-пультами. И через осознание этой близости приходит понимание общего для всех Дела. Вот оно: вместе они представляют отряд, который готовят к выполнению какой-то крайне важной задачи. Для операции... Оперативный отряд...

Сандру захотелось дотронуться до плеча того, кто напомнил ему Нура, и он уже потянул руку, но тут посторонний звук, знакомый, но неожиданный в такой обстановке, вывел из территории сновидения.

Он открыл глаза и увидел Малыша у себя на груди; кот тревожно мурлыкал и лапой теребил его нос, старясь разбудить. Сандр немедленно перевел взгляд на Нура: тот кривит губы в беззвучном стоне, по щекам текут слезы. Мягко опустив Котёнка на плиту дороги, Сандр осторожно поднял легкое тело Нура на руки, прижал к себе. Нур, просыпаясь, обнял его за шею и застонал. Малыш вскарабкался на плечо Сандра и, уткнувшись в ухо Нуру, принялся что-то шептать на своем языке. Нур открыл влажные глаза и непонимающе посмотрел на Сандра, затем на Котёнка.

– Просыпайся, Нур, – с тревогой, негромко сказал Сандр, – Что с тобой?

– Я ждал, что мне приснится мама, – совсем детским голосом протянул Нур, – А тут... А тут...

Слезы потекли по его щекам. Малыш ткнулся ему в щеку влажным носом, и Нур наконец осознал, что он уже вне сновидения.

– Ко мне опять пришел Араска...

– Ты его видел? Ты можешь рассказать, что произошло?

– Нет... Не видел... Наверное... Всё было так нечётко... Как в тумане. Но голос... Его не спутаешь с другим. Он угрожал нам. И не только нам. Не только оперотряду. Но и Фрее. Всем, кто остался там, с ней.

Сандр решил, что кошмар пока лучше не вспоминать и не повторять в словах. Это будет неправильно. За день отдыха дурные впечатления уйдут, и сон забудется. Только не оставлять Нура одного. И не дать до вечера заснуть снова.

– Ты знаешь, мне тоже кое-что приснилось. Странное что-то, загадочное. Один я не разберусь. Послушай...

И Сандр рассказал свой сон, не скрывая мелочей и догадок. Нур тотчас переключился на анализ и задумался. Возможно, он тоже сопоставил «Куратора» на экране с Ахияром. Седой, в морщинах, – Ахияр... Надо же!

К звезде Нура на небосводе подплывала одинокая малая луна, Ида; и Нур долго смотрел на нее. Смотрел, пока утренняя заря не погасила звезду и скрылась Ида. Вместе с зарей поднялся ветер. Почему то нежаркий, он принес мелодию. Будто за ближним барханом запели сразу десятки певчих птиц Арда Айлийюн. Вот к ним присоединились родники, деревья, травы и цветы. И едва распознаваемый женский голос. Песня ветра отвлекла и успокоила Нура.

Котёнок занялся своим туалетом, облизал пушистый полосатый хвост и весело посмотрел на Сандра, предлагая игру-разминку.

Кроме них троих, все, включая лошадей, спят. Спят крепко, и, скорее всего, без сновидений. Это тоже хорошо, и Сандр удовлетворенно улыбнулся. Вспышка страха за Нура пригасла, да и Нура интересовали уже новые проблемы.

– То озеро, которое недостижимо, – заметно живее заговорил Нур, – Оно ведь есть на самом деле. И пальмы, и плоды на них. И тень, и прохлада днем... У нас осталось мало воды. Скоро ее и Котёнку не хватит. И мёд так загустел, что его невозможно...

Сандр одобрительно кивнул: оценка ситуации, достойная зрелого айла. И сказал:

– Да, озеро существует. И мы доберемся до него. Отдохнем и доберемся. Потерпи, брат... А Малышу воды мы всегда найдем.

Яхмау и Музхир

Он впервые назвал Нура братом. И тем как бы сравнялся с ним и силой духа, и крепостью тела. Громадный, непобедимый, самый могучий среди айлов и совсем еще юный, слабый и беспомощный избранник неведомого Предопределения... Дистанция между ними, до того болезненная для Нура, сократилась, почти исчезла. И Нур совсем ожил.

– Давай пройдемся? Туда, за бархан, откуда ветер берет песню, – предложил Нур, – Малыш, ты как, не против?

Котёнок был не против и с удовольствием забрался на плечи Нура.

– А что, если ты ко мне переберешься? – предложил ему Сандр.

Но Котёнок так забавно покачал головой в знак несогласия, что Сандр рассмеялся.

– Ну, тогда пошли. Давай, друг мой Нур, показывай дорогу. Отрядный указатель пути с тобой...

Пока шли, Нур вспоминал уроки Джахара, даваемые ему урывками в пути.

– То, что мы слышим, не обязательно имеется на самом деле. Тембр звука складывается из гармоник и обертонов. А нам кажется, что это чистая нота, простая красивая мелодия. А там...

И на самом деле, – за барханом не нашлось ни хора, ни оркестра, о котором мечтает Джахар. Ничего такого там не нашлось. За барханом открылось другое, неожиданное...

Крупная черная фигура втрое выше Сандра, в развевающемся черном балахоне с капюшоном, скрывающем лицо. На взгляд очень неприятная фигура. И Сандр одним прыжком оказался впереди Нура и остановил его.

– Постой. Подожди меня здесь. Я уточню, кто это.

– А я знаю, – без тени растерянности сказал Нур, – Это Черная Хозяйка Пустыни. Так говорил Хиса...

Вихрь жаркого песка крутнулся кругом балахона, но не потревожил его нисколько. Но жар достиг Сандра, заставив его собраться. До возможного противника один прыжок, а там можно посмотреть, на что годится Черная Хозяйка.

– Как вы невежественны, айлы, – опережая его намерения, донесся голос из-под капюшона, – Хозяин я... Хозяин Тайхау. Имя моё – Яхмау. Хозяйки на ваших кухнях. Не я к вам, вы ко мне пришли. С первых шагов ваших я пытаюсь узнать вас и понять. Зачем, куда... Туда же, куда прошли те, что были до вас?

– Ты видел тот отряд? И видел моего отца, Ахияра? – вскрикнул Нур и только рука Сандра удержала его от приближения к Духу.

– Так то был твой отец... Да, теперь вижу, ты похож на него. Ты так же упрям и безрассуден, юный сын Ахияра! Тебе понравилась песня ветра? Я знал, что вы откликнетесь. Думал, – все, но оказалось: всего трое.

Сандр отпустил предплечье Нура. Котёнок ведет себя абсолютно спокойно, что значит: от Духа Пустыни угрозы не исходит. Уж Котёнок точно определит, когда такая вот опасность близко. А Нур между тем продолжает задавать вопросы. Умница, так и надо. Уметь задавать вопросы, – очень высокое и крайне нужное искусство. И надо им овладевать с детства.

– А почему ты такой черный? Тебе так нравится? Дух Радуги, наш друг, совсем другой. Ты видел его?

– Мне нравится?! – возмутился черный дух; балахон его пошел волнами сверху вниз, – При чем тут это? Работа у меня такая. Служба! Понимаешь, несмышленный айл? Впервые встречаю смертное существо, недовольное моей внешностью! Дух Радуги ваш друг? Ах да, конечно, вы же айлы! А вот мы его сейчас самого спросим, такой ли я неприглядный, как тебе кажется.

И тут же, без всякой паузы, без вихрей или молний, рядом с Духом Пустыни возник похожий на громадного айла улыбающийся Дух Радуги, Музхир. Он улыбался молча, но от одной его улыбки кругом распространилось сияние, песок окрасился в приятные лимонные тона, воздух засветился, а над Нуром засияла маленькая радуга. И черный Дух Пустыни Яхмау тоже преобразился: балахон стал цветной мантией, открылось красивое лицо, очень похожее на лицо Музхира.

Нуру с Котёнком стало совсем хорошо. Они тоже заулыбались всем, чем только можно, – глазами, губами, лапами, руками... Сандр перестал что-то понимать. Кроме одного: все эти чудеса творятся рядом с Нуром и ради Нура. И бояться за него не придется. Придется только помогать. И учить тому, что пригодится в Арде Ману да в Империи.

Свет, цвет и радость растекались все дальше по Пустыне, охватывая бархан за барханом. Но оперотряд ничего не замечал, оставаясь внутри своих снов.

– Так вы... Так вы.., – пытался найти нужные слова Нур, под аркой Радуги похожий на лучащийся самоцвет, – Вы братья! Тогда почему в Пустыне нет родников? И оазис убегает от нас? Мы же не просим реку там или... Скоро вода наша закончится. Что я дам Котёнку?

Яхмау улыбнулся совсем как Музхир, по-родственному.

– Котёнку?! Да, твоему Котёнку никак нельзя без воды. Но разве ее нет? Сандр, принеси все фляги-фляжки и бочки-бочонки. Не беспокойся, мы позаботимся о твоём юном друге. Брат, ведь так?

Дух Пустыни повернул лицо к Духу Радуги, тот подтверждающее улыбнулся и тут же из рядом с ним забил из-под песка фонтанчик. Котёнок покинул любимое место на плечах Нура и подбежал к фонтанчику. Дотронулся вначале до струйки лапой, затем приблизил к ней усы. И только потом лизнул ее язычком. И, повернувшись к Нуру, радостным муром сообщил, что вода пригодна для питья. К Малышу подошел Нур, наклонился, сделал один глоток. И согласился с ним. После чего набрал воды в ладонь и поднес ее Малышу. Котёнок утолил жажду, тогда и Нур позволил себе еще несколько глотков, неспешных, с расстановкой. Вода на самом деле ничуть не хуже той, что бьет из родников Арда Айлийюн.

Вернулся Сандр, нагруженный сосудами, Нур принялся помогать. И Сандр, подумав, решил задать духам серьезный вопрос. Обратил его к Духу Радуги.

– Ты с нами всегда, Музхир, сколько мы помним. И мы благодарны. Но перемены в мире коснулись и тебя. Твои цвета становятся другими. Слишком много темно-красного. Это Империя?

Улыбка сошла с лица Музхира. И тут же пригас свет вокруг, и поблекли цвета. Отвечал он серьезно:

– Империя тоже. Ни вы, ни мы не знаем всего. Вы, айлы, обеспокоены. Этого мало. Вы можете потерять свой Ард. А без него и вас не станет. Ты можешь, командир, представить мир без айлов? И мы не можем...

– Так что же делать? – по-нуровски беспомощно спросил Сандр.

– Продолжить свой путь! – резко сказал Яхмау; за его спиной взвихрился небольшой смерч, – Преодолевать страх, жажду, голод, усталость... И не бояться смерти. Кто не боится

смерти, тот не погибнет. Вам не нравится моя Пустыня... Но без нее вы получите опасное и беспокойное соседство диких зверей и необразованных племен. А с ней вы разнежились. Всякая вещь имеет две стороны.

Котёнок совсем расхрабрился и подошел к Духу Радуги, обнюхал его громадные босые ноги, затем приблизился к Духу Пустыни.

– Не щекочи меня, усатый звереныш! – со сдерживаемым смешком воскликнул Яхмау, – Твой путь тоже будет нелегко. Но у тебя нет выбора. Он дарован только айлам. Запомни это, Нур.

Странно, сказал себе Сандр. Говорит о Котёнке с Котёнком, а предназначает слова Нуру. Но кое-что прояснилось. Предстояло только хорошенько все обдумать. Получается, Пустыня Тайхау существует для айлов. И в любой момент вместо песчаных дюн тут могут подняться травы и деревья, зацвести цветы. Им, духам-братьям, это так же легко, как сотворить родник-фонтан, бьющий из-под песчаной толщи. И еще: никто не собирается облегчать путь отряду. А наоборот, они будут чинить всякие пакости. Работа у них такая. Служба!

«Только бы сил хватило! – сказал себе Сандр, – Только бы не заплакать от бессилия или слабости, как Нур от кошмарного сна».

Емкости для воды заполнены, можно выдержать месяц без проблем. Но после будет не легче! Пустыня забудется, ее сменят всякие непроходимые леса, болота, тундры, снежные горы, ледяные торосы... Сандр, Сандр, какой же ты командир оперотряда, если сам не готов к предстоящему? Но ведь больше некому. И нельзя перекладывать свой груз на другого.

Прощание с Духами получилось легкое и беспечальное. Они растворились в поблекшем воздухе, а вслед за ними бесследно пропал и фонтанчик. Котёнок осмотрел место, откуда только что бил родник, призадумался и, махнув пушистым полосатым хвостом, приблизился к Нуру. Хитрый разумный кот никуда не спешил, он хорошо знал, что впереди целый день отдыха.

Они вернулись в лагерь. Отряд продолжал спать. Пусть. Через сон уйдет накопившееся напряжение. По сути, все они еще дети. Ведь взрослеют не годами, а испытаниями.

Сандр вдруг ощутил, как предательская слабость мгновенно пропитала все его тело. Ноги перестали держать, в глазах потемнело... Он попытался напрячь все мышцы, ухватить ускользающие мысли, но подсознание не подчинилось желанию, воля скользнула мимо, во внутреннюю пустоту. Оба мира, внутренний и внешний, пропали. А за ними исчез и он сам.

Очнулся Сандр от привкуса пряной сладости на губах. Открыв глаза, увидел встревоженное лицо склонившегося Нура с деревянной пиалой в руке. И попытался улыбнуться: Нур использовал рецепт Фреи. Мёд, вода, набор специй... Она как-то готовила его для Нура. И вот, научила сына. Сандр повернул голову и обнаружил, что лежит рядом со спящей Кари, на груди свернулся в пушистое кольцо Котёнок. Значит, все в порядке. Отряд продолжает спать, ничего не изменилось.

– Долго я так? – спросил Сандр.

– Нет, – ответил просветлевший Нур, – Несколько мгновений. Но я успел испугаться. Тебе надо полежать. И допить эту пиалу. Пока Малыш на тебе... Он поднимется, – можно и тебе встать. Так меня научила мама. В таких случаях... Отдохни, ты устал больше других.

Вот так... Фрея перед походом учила Нура оказывать первую помощь... И наставляла помогать Сандру. И, по-видимому, не только этому. Мудрая женщина Фрея... А Нур – способный ученик.

Внезапный обморок и последовавший за ним краткий период бессилия заставили Сандра поглубже заглянуть в самого себя. Явно он где-то не так расставил приоритеты мышления и поведения. А они берутся из тех убеждений, что не снаружи лежат.

Путь продолжился, и без особых приключений. То резко поднималась или опускалась температура воздуха, то небо заслоняли песчаные бури, то облака тончайшей пыли заставляли одевать повязки Хисы... Однажды из-за ближней дюны послышалось грозное рычание, но обошлось. Скорпионы-змеи держатся в стороне от их пути. Но отряд сохраняет необходимое напряжение.

Сандр сделал вывод: он слишком привык к тому, что превосходит других айлов многими качествами. Так привык, что не мыслил себя слабым или беспомощным. Другим можно, а ему нельзя... Он – выше такого. И, наверное, утвердился в мысли, что так будет всегда. Но, оказывается, бессилие совсем рядом, неожиданно близко. И уже не ты помогаешь ближнему преодолеть слабость, болезнь или страдание, а ближний тебе помогает. А он, этот ближний, еще мгновение назад был неизмеримо слабее тебя. И тебя, могучего и непобедимого командира оперативного отряда, спасает Котёнок, Малыш, стирая твой психический негатив и добавляя жизненной энергии из своего маленького тельца. Вот как... Иллюзорность, обманчивость текущих моментов бытия, из которых и складывается жизнь... Только испытай на себе, начинаешь думать. Да, надо думать и думать. Уходить в себя, не теряя связи с окружающим пространством и временем.

Обострил эту связь Хиса после рассказа Нура о встрече с духами Радуги и Пустыни.

– Дух, – не женского рода! – возбужденно сказал Нур, – Он хозяин, а не хозяйка. Яхмау, – хозяин Тайхау!

И Хиса, уяснив, что произошло рядом, пока он спал, не смог скрыть испуга. В то время как все остальные обрадовались и воодушевились. И дружно связали явление духов с успехом в Предназначении Нура. Хиса же оценил необычную встречу как дурное предзнаменование. Хиса в одиночестве забыл, что нет знаков дурных или благих. Только сам айл наполняет дни и ночи тем или иным содержанием.

Птица Роух прилетает когда захочет. Но всякий раз неспроста. И не всегда сразу поймешь, почему.

На сей раз голову Роух украшает корона: золотой обруч с изумрудами в серебряной оправе. Крайние перья на крыльях ярко-синие, хвост же стал багряным, как крайняя полоса Радуги айлов.

– О, Нур! – торжественно сказал Роух, уютно устроившись на чудом обнажившихся плитах доазарфэйровской дороги; только что их не наблюдалось, дорогу отряд потерял много дней назад, – О мой юный друг и повелитель! Ты стал взрослее, ты познал за время нашей разлуки столько, сколько не смог бы и за всю жизнь в своем светлом Арде. Вы все повзрослели, изменились. И ты, зверь, имеющий два имени, Котёнок и Малыш, продвинулся к свершению... И ты, предводитель Сандр, сегодня используешь не те слова, что прежде. Не торопись, я за тебя скажу, как ты думаешь. Не силой, но знанием! Так? Не обманом, но правдой и светом! Так? Не желанием чужого, но готовностью отдать своё! Так?

Сандр хотел было возразить, что еще не дорос до таких мыслей и слов, но не решился. Птица Роух обладает мудростью сверхайловской. И если говорит так, есть к тому основания.

– Вы, многострадальный оперотряд, как-то переночевали на этой древней дороге. И забыли о ней. Решили, что она – наследие предков? А если нет? Если не их эта дорога? Тогда чья? Откуда она ведет и куда?

И тут Роух произнес ту же самую фразу, что и в прошлый раз, обращаясь к Нуру. «Нур, я предназначен тебе. Я ждал столько лет, пока ты покинешь тихую обитель айлов...» Но теперь ее услышали только Нур и Сандр. И Сандр отложил ее отдельно, чтобы после вместе с Нуром обдумать.

– Приходит завершение первого этапа ваших испытаний. Но сами они только начинаются. Присоединитесь к моему взгляду!

Все подчинились повелению коронованной птицы. Роух смотрел на запад, где розовел закат. Станный закат, ведь Иш-Аруну до него еще полдня добираться.

– Там, в днях немногих, вы найдете оазис. Не маленькая награда за малое напряжение сил и разума? Оттуда до Большого Мира недалеко. Держитесь этого направления, пока не получите известий от тех, кто отправился раньше. Ваши дозоры прошли Пустыню Тайхау легко и быстро. Я даже скажу: они ее и не заметили как следует. Им выпала иная мера... А вам приготовлена полная чаша.

Сандр внутренне дрогнул. «Полная чаша...»

Роух внимательно взглянул на него и сказал:

– Подойди, о Нур! И ты, Малыш!

Отряду осталось наблюдать за неслышным для них разговором волшебной птицы с айлом и котом.

Оазис Исчезновения

Воодушевленный птицей Роух оперотряд достиг оазиса легко, за неделю без привалов, как за один день.

Густая тень под пальмами, настоящая почва под зеленью травы... Почти как дома. Ну кто в силах без принуждения или крайнего стимула покинет такой оазис после двухмесячного блуждания по безжизненной Пустыне?!

Сандр не установил срока пребывания в оазисе. Очиститься, привести в порядок одежду и поклажу, дать отдохнуть лошадям... И – самое важное – разобраться в собственной психике, особенно в последних наслоениях. И понять, как это новое сочетается с тем, что крепко отложилось и укрепилось за жизнь в Арде Айлийюн. Без такой ревизии дальнейшее продвижение может стать проблемным.

Когда в доме порядок, всё как надо, – разве задумаешься всерьез о том, что далеко, за пределами обжитого? Империя... И что Империя? Кто её видел? Зачем она мне? Угроза? Да нет, всего лишь гипотеза, непроверенное предположение. И тот же Свиток... Целую эпоху живут айлы без него; и так живут, что и менять ничего не надо. Не хочется менять. Нет никакой необходимости.

Так ради чего рисковать благополучием и даже самой жизнью?

Все прошедшие дни и ночи Сандр делал то же, что и другие. И старался чаще заглянуть в глаза спутникам по Дороге, обусловленной Предопределением. И мысли их, ухваченные не только взглядом, больно цепляли душу острыми крючками. И душа трепыхалась как рыба, пойманная сразу несколькими рыбаками, на несколько удочек.

Единственное решение Комитета айлов, поддерживаемое всеми в оперотряде, – морская экспедиция к Темному материку. Это близко, это понятно, это необходимо. Это – наше. А Империя – чужое. А без чужого можно и обойтись. Своего хватает. Свиток, – тут колебания. Может быть нужен, а может и нет...

Оазис начался с купания Тойры. Молодец Хиса. Рукавица-щетка очистила лошадь, и Тойра заискрилась, будто усыпанная множеством мелких самоцветов. Воронок забеспокоился, потянулся головой к Сандру. Кари тоже занервничала.

– Делаем как Хиса! – с улыбкой скомандовал Сандр, – Смотрите, как преобразилась Тойра!

Воронок тут же оказался в воде, за ним Кари. Следом за лошадьми освежились айлы. И стало видно, что все заметно переменились. Арри улыбается весь: глазами, щеками, ушами, – нет и признака минус-эмоций. Ангий переделся в белые рабочие одежды, что значило: энергии в нем стало больше. Джахар любит свою Песню и шепчет ей о бесценной красоте Симхи-Рады. Джахар в полном порядке, – он уверен, что вернется в Ард. И обязательно с музыкальными инструментами. А Глафий, как обычно, вне конкуренции, – после помывки Зари занялся приготовлением супернапитка из мёда и трав.

Но радость Сандра продлилась недолго.

Окрепнув за два месяца волей и духом, оперотряд скоро вернул себе физическое здоровье и столь же быстро уходил в состояние более ущербное, чем то, которым обладал перед началом Пути.

Как заметил Нур, «народ заколебался». Весь «народ», кроме Нура и Сандра. И, возможно, Глафия. Нур сейчас больше молчит, больше слушает. И – наблюдает, проникая в мысли спутников, подобно Сандру. Это заметно. Прошло три дня, и Сандр решил поговорить с ним.

С зеленого холма на западе оазиса открывается просторный вид на пространство, которое предстоит преодолеть. Вдвоем сели лицом к предстоящему. Рядом устроился неизвестно откуда взявшийся блаженствующий Котёнок. Малыш в оазисе стал самостоятельным, плотно занялся изучением живого мира, уходил когда и куда хотел. Тем приводя Нура в беспокойство и даже нервозность.

Оазис расслаблял всех неуклонно и незаметно для каждого.

– ... Мир там, за барханами заката, огромен. И мы о нем ничего не знаем. Почти ничего. Мы, Нур, столкнулись с незнанием, с собственным невежеством... Отряд наш колеблется в главном. Что надо делать в таком случае?

Нур отвечал как мудрый и многоопытный советник вождя-предводителя:

– Надо стремиться сократить разрыв между тем, что имеем и тем, что требуется. Но чего пока не достигли.

Нур сказал. Сандр мог высказаться так же. Но проблема в другом: как действовать командиру в имеющихся реалиях? И решил озадачить Нура поконкретнее.

– Представь, что ты с этого часа командир оперотряда. Что будешь говорить, делать... Как будешь... Пора нам свертывать лагерь и двигаться дальше. Не отвечай немедленно. Подумай. И поговорим завтра...

Но кто может знать, что ждет его завтра? В наступившее утро Нуру было не до бесед о стратегических задачах. Малыш, ушедший с вечера на прогулку, не вернулся. Нур с ранней зари обошел оазис и без результата. И теперь сидит рядом с Кари, сосредоточенный и взволнованный.

– Вернется, не переживай, – постарался успокоить его Сандр.

Нур кивнул, помолчал и негромко сказал:

– Если ты решил продолжить Путь сегодня... Мы с Котёнком догоним вас...

Теперь Сандр окончательно убедился, что значит для Нура Малыш. Связь странная, протекающая не из видимых причин. Да, Нур ближе к Эонам, чем любой из айлов, кого Сандр знает достаточно хорошо. И давать оценку его переживаниям или направлять эмоции исходя из сиюминутных интересов едва ли возможно.

– Мы все его подождем. И без Малыша не двинемся. Ничего, если задержимся здесь. Получше подготовимся... Ты же понимаешь, оперативники наши пока не в лучшей форме. Внутренней готовности нет. А без неё...

Нур с благодарностью посмотрел на Сандра и сказал:

– Пойду прогуляюсь пока... Лошадка моя в порядке. Снаряжение я осмотрел вчера. Сегодня еще раз проверю. Ты скажешь, если для меня будет какое-нибудь дело?

«Оперативников» исчезновение Котёнка никак не задело. Пришел, ушел... И что? Они не понимали Нура. Оказывается, айл понимает айла только тогда, когда кругом спокойно, когда не надо спешить, торопиться, ломать устоявшееся...

А тут еще тревожные знаки с небес: этой ночью не загорелась звездочка Нура, а Ида вошла ненадолго, маленькая и бледная.

Сандр разделил отряд на две группы. Джахар, Ангий и Глафий в одной, Арри, Хиса и сам Сандр в другой. И через день после пропажи Малыша организовал разведку намеченного маршрута. День – одна группа, другой – вторая.

Общих сновидений не получалось. И вечера Сандр посвящал совместному анализу имеющихся данных о Большом Мире. И старался не допускать воспоминаний об Арде Айлийюн.

Нур заметил исчезновение звезды на вторую ночь. И заплакал. Беззвучно, дрожа всем телом. Сандр положил тяжелую руку на исхудавшее плечо.

– Ну что ты... Такое бывает. Звезды приходят, уходят и возвращаются. У них, звезд, своя судьба.

– Да, конечно. Но это все не просто так. Появляется – знак, уходит – тоже сигнал. А понять я не могу.

– А ты попробуй уснуть. И пригласи в сон Фрею и Азхару. Нурию... Поговори с ними, посоветуйся...

– Нет. Не хочу. Им незачем знать. Это моя печаль. Звезда, Малыш... Они мои, только мои.

– А Роух?

– Роух? – Нур задумался, – Это если бы события происходили сами по себе. Не все зависит от Роух. А тот, от кого зависит всё, далеко. И я не знаю, кто он и как его зовут. А без этого как к нему обратиться?

Прошло десять дней. Нур внешне вернулся в прежнее состояние. Последняя разведка обнаружила еще одну древнюю дорогу, ведущую прямо на закат. Из громадных каменных плит. Она, вероятно, является продолжением той, что идет через Пустыню.

А между тем в природе наступил сезон сгущенного застоя. Казалось, остановились не только воздух с его ароматами, не только вода, переставшая растворять мёд, но и само время. Активное существо природы айлов восстало против застоя, и «народ» заторопился вперед. Хиса бросил несколько укоряющих взглядов на Нура, как на причину излишней задержки в оазисе.

Нур последнюю неделю почти не спал, ни на что извне, даже на Хису с его неявным осуждением, не реагировал. Искать в оазисе Малыша перестал. Осматривать Пустыню было глупо и бесполезно. Лежал ночами с открытыми глазами и смотрел на опустевшее небо. И вот, одиннадцатой ночью после исчезновения Малыша увидел свою звезду, засиявшую на прежнем месте. И небо само стало чуть-чуть другим, потеряв внутреннюю, скрытую синеву, пронизывающую ранее его густую, вязкую фиолетовость.

Нур тут же поднялся и подошел к Сандру.

– С рассветом можем трогаться... Я готов, Сандр.

Сердце Сандра дрогнуло, в горле возник твердый комок. Он ждал именно такого предложения, но оно почему-то оказалось горьким. Вот, еще одно подтверждение того, что судьбы наши не в нашей власти, сказал он себе. Слишком много необъяснимого, непонятного. Слишком мало нужных знаний и понимания. У Котёнка тысяча дорог. Какую и почему он выбрал? Решил уйти от Нура просто так, без причины? Нет. А у Нура к нему ни одной дороги. Ждать можно тысячу лет и напрасно. Нур поступил не как просто взрослый, но как зрелый айл. Не всякого взрослого можно назвать зрелым...

– Не оглядываться! – твердо сказал Сандр, построив отряд в шеренгу напротив восходящего светила, – Идем быстрым, ускоренным маршем без остановок. Посмотрим, чего мы стоим. И на сколько нас хватит. Возражения есть?

Вопрос чисто формальный, из области риторики, оставленной в Арде. Да и возражающий, – куда он денется? Назад, через Пустыню в одиночку? Даже Хиса на такое не пойдет.

Так что угрюмо, но в полной готовности отряд двинулся вперед. К тому же открытие древней дороги позволяло надеяться на близость иного природного ландшафта.

Так и вышло. Седьмой рассвет в пути оперотряд встретил в лесостепи, воздух которой, влажный и свежий, сообщал о наличии всего того, что требуется для полнокровной жизни. Бросок вымотал и айлы, освободив лошадей от поклажи, упали на траву, источающую помрачающе богатый аромат. Утром на ней выступит роса, – излюбленное лакомство айлов. Но Пустыня Тайхау пока достаёт остаточным жаром. Даже ослабевшее ее дыхание напрягает психобиологические реакции. И оттого извне Тайхау кажется более грозной, чем изнутри.

– Всё! – заявил Джахар, с ненавистью посмотрев назад, на далекую желто-алую верхушку бархана, – Обратно будем искать другой путь! Мимо супержаровни.

– Да хоть морем! – поддержал его Арри, – Сам возьмусь за постройку корабля, если больше будет некому. Или плота с парусом.

Глафий рассмеялся. И сказал почти так, как Нур в начале Пути:

– А вы уверены, что мы не в очередном мираже? Пустыня все же реальность. В ней каждая песчинка полна тайного смысла. В Тайхау, уверен, скрыты загадки всех миров. Тайны всех жизней... Песчинок-то море.

– Ты еще скажи, что из нее можно попасть куда хочешь. Куда угодно. К примеру, в ту же Империю. Или просто увидеть, что там делается, – с иронией отреагировал Ангий.

Нур насторожился, в готовности ухватить мысль, связанную с исчезновением Котёнка и целью его рождения в этом Арде. Но не вышло. Легонько коснувшись подсознания, она умчалась дальше, вперед. и теперь будет ожидать на другом участке Дороги. А здесь ее уже нет. Здесь, – разговоры о насущном, видимом и слышимом.

Настроение отряда переменилось. И не только настроение. Все стали прежними айлами, не знающими страха и колебаний, готовые ради общего дела пожертвовать собой. Но нет, не совсем прежними. Груз пережитого, переплавленный пустынным зноем, многое переставил в сознании каждого.

Часть третья. Дорога Звёздная или дорога Лунная...

– Айлы с рождения впитывают в себя сияние Иш-Аруна и превращенный свет Иды с Чандрой. Суть внутренняя родной звезды и обеих лун живет в нас...

Так говорил Ажар, Хранитель отсутствующего Свитка, на празднике выпускников школы. Нур хорошо запомнил его слова. Еще Ажар сказал, что среди причин последнего Азар-фэйра была и такая: обитатели Арда Ману из возможных путей развития выбрали не лучший. Большинство пошло Дорогой Лунной, – путем стремления к магическим тайнам, накопления сокрытых от других знаний и замыслов... Лишь немногие айлы избрали Звёздный Путь, путь открытости и признания абсолютной власти Высшего Эона над всем и всеми. Они и стали предками современных айлов.

Бухайр, Дух Лотосового озера, рассказал Нуру: айлы, где бы они ни проходили, оставляют видимые не всем следы. Следы цветочные, световые, запаховые. У каждого айла, – свой, неповторимый след-отпечаток. И по составу следа можно определить даже намерения айла, его суть. Ведь и айлы очень разные... Как и неайлы тоже.

Если преобладает свет Иды, малой луны, надо остерегаться... А если свет Иш-Аруна, – то иди с радостью. Интересно, советы относятся к магии? По-всему, через Пустыню Тайхау они прошли Лунной Дорогой. А Звёздный Путь надо искать по сгущенным следам-отпечаткам, оставленным первым и вторым дозорами. А они их не нашли.

Наверное, поэтому Сандр назначил Глафия идти впереди. Борода и усы Глафия, – как сплетенные солнечные лучики. Ему далеко до роста Сандра, но он очень широк и костист. Что говорит о жизненной основательности. И еще от него махнет мёдом и слышится жужжание невидимых пчел. Глафий лучше всех чует следы потому, что всю жизнь в Арде занимается пчёлами. И сам похож на большой пчелиный домик. Глафий добр, но старается скрыть свою мягкость. О многом думает Нур...

– Как мы найдем Солнечную Дорогу, Сандр? – спросил Нур, подъехав на Кари к Воронку и подняв голову.

И Сандр заметил сверху, что Кари подросла за время странствий. Да и Нур тоже. Чуть-чуть, но есть...

Кругом расстилается степь, то ровная как стол, то холмистая как море под умеренным ветром. Травы раскрашены неярко, цветов мало. И те блеклые, будто краски туманом разбавлены.

– Как найдем? Не знаю. Думаю, большим общим желанием. Единой уверенностью. Пока у нас одна Дорога на всех.

Нур задумался. Кари по-женски косит выпуклый черный глаз на Воронку. Тот делает вид, что не замечает. Да, время течет быстро. Слишком быстро. Скоро они, Воронок и Кари, будут вдвоем. А вот Сандр и Нур обречены на одиночество. Необходимое, полезное одиночество. Но и мучительное... Все же, в нем много плюсов. Оно рождает правильные мысли. А правильные мысли заставляют быстрее взрослеть. Вот почему Нур задает такие вопросы...

– Сандр... Ты сказал – уверенность. А вера? Как они сочетаются? Ведь они не одно и то же?!

– Наверное, не одно. Уверенность ты ощутишь, как только печаль твоя покинет тебя. Она, уверенность, – то, что внутри тебя. И происходит из тебя. А вера... Думаю, в этом ты понимаешь больше меня. Ведь она, по-моему, в понимании Эонов. В знании того, как они влияют на твою жизнь. Думаю, вера дается оттуда. Мы встретим племена, в которых ничего не знают об Эонах. Ты всегда помнишь и думаешь о Седьмом Эоне... От Ажара я слышал: перед Азарфэйром многие отказались от Свитка. Они установили камни, деревяшки раскрашенные, изображения зверей-покровителей... И стали считать, что успех в жизни зависит от них. Они подарили живые чувства мертвым идолам. Кому принадлежат наши чувства, Нур? Твои чувства, мои?

– Уверенность без веры может привести к поклонению самому себе?

Да, пока одни вопросы... Но без вопросов не бывает ответов.

Бирюзовый лес

Степь вымотала айлов и лошадей почему-то больше, чем Пустыня. Неделя пути, а они устали так, что уже ничего не хотят. И Сандр объявил привал.

Проснулся первым, на утренней заре. И крайне удивился.

Иш-Арун поднимается свежим и веселым, каким они его давно не видели. Краешек диска сверкает сочным апельсиновым цветом, лучи играют на утренней траве многоцветными искрами. Но, – удивительно! – листья и стволы деревьев Иш-Арун окрасил в бирюзовые оттенки. И еще более удивительно: откуда взялся сам бирюзовый лес? Или они накануне так устали, что и не заметили его? Ведь до опушки уходящего на запад, юг и север леса, – совсем рядом!

Неужели очередной мираж? И Сандр решил рассмотреть его вблизи.

Лес оказался смешанным, лиственным и хвойным. И сплошь бирюзовым по своей природе, а не в результате игры рассветных лучей. Иш-Арун всего лишь усилил впечатление от странной окраски... Подобного цвета лиственные деревья в Арде Айлийюн – исключение. Одно – у дома Фреи. И еще несколько – на южной части полуострова. Они напоминают хлебные деревья, но плодов не дают. Декорация, у дома Фреи очень даже к месту. А хвойных таких в Арде совсем нет.

Невиданный лес, необычный. Необычайный... Предрассветные лучи скользят по кронам, создавая массу оттенков бирюзы, и каждый листочек, каждая иголочка играют цветом по-своему. Излишки цвета стекают вниз, и трава тоже становится необычайной. Наверное, над этим лесом и луна бирюзовая.

Зрение Сандра отказывается верить в истинность видимого. Разуму требуется освоить новое пространство, чтобы согласиться с его достоверностью. Откуда это? Сандр невольно посмотрел на закрытый бирюзовой чашей север. Там, на ледяном краю Арда Ману, разгорается красно-багровое зарево, меняя цвета Радуги. Бирюзовый лес, возможно, тоже порождение активности пробивающейся сюда Империи. Но все равно это земля айлов, и оперотряд здесь не чужой.

Сандр углубился в лес еще на два десятка шагов, и остановился от шороха позади. Мгновенно присев и сменив место, повернулся. Шорох дополнил слабый треск сухих веток. Среди стволов, в нескольких шагах, горят два зеленых огонька. Любопытно: первая встреча с диким жителем бирюзового леса. Даже всего Арда Ману! Он присмотрелся. Зверь ростом ему в пояс, в густой рыжей шерсти с бирюзовым оттенком, на легких стройных ногах, с ветвистой короной рогов на красивой, гордо поставленной голове.

Зверь из преданий! И мирный, рога – его единственное оружие. Сандр вспомнил его имя, – такин. Но где такин, – там и другие, хищные существа. В том числе безволосая карикатура на престарелого ману: красногрудый Бульф с могучим шипастым хвостом и отвратительной голубой мордой, отдаленно напоминающей лицо. Вот этот Бульф вооружен и клыками, и когтями, да и хвост – мощное оружие. Не менее опасен, чем лев Пустыни.

Придется помнить всем, – дальше на юг неизученная полоса непроходимых без специальных приспособлений джунглей, закрывающая подступы к океану. Джунгли, наполненные неизвестной жизнью... Гости оттуда вполне могут оказаться и в Бирюзовом лесу.

Заря погасла, в лесу ненадолго потемнело. Сандр сделал шаг к такину. Тот пригнул голову, сверкнул глазами и моментально исчез среди деревьев. Вслед за этим восток окрасился нежным багрянцем поднявшегося Иш-Аруна, и только теперь Сандр ощутил, насколько воздух насыщен влажной прохладой и красочными ароматами. Лес замедленно пробуждался от ночной тишины, ожидая прикосновения прямых лучей светила. Звуков все больше, и они сли-

ваются в мелодию для Сандра. В мелодию предстоящей Дороги, которая обещает стать Солнечной. Озвученный лесной воздух наполнил грудь свежей энергией.

Иш-Арун поднимался, но бирюзовость травы, листвы и стволов не уходила, не смешивалась с сочной апельсиновой яркостью утренних лучей. И Сандр решил возвратиться и будить спящий отряд. Но он напрасно заторопился. Естественные звуки Солнечной Дороги смолкли. И – будто осуществилась мечта Джахара, вернулись из прошлого потерянные во времени музыкальные инструменты, а все звуки мира подчинились желаниям айлов. И вот теперь невидимый оркестр будет исполнять то, что желает естество Сандра. Так, как он хочет... Но нет, оркестр лишь предварил главное...

Сандр замер, удерживая трепет сердца.

Всё, что касалось Фреи и приближало к ней, всегда являлось для него особенным. Как Свиток для Ажара. Как одиночество для Хисы. Или как пчелы и мёд для Глафия...

Рядом с Сандром рождалась песня Фреи. Но – не желанной подруги, а матери. Песня Фреи, обращенная к Нуру. Исполнял ее весь лес по мановению лучей Иш-Аруна. И в наплывающих звуках перед Сандром явилось откровение, состоящее из красок и линий, разграничивающих краски.

Через Бирюзовый лес проходит та самая древняя дорога, кусочки которой открыла им Пустыня Тайхау. А эта дорога, ведущая на запад, – всего лишь одна лента из многих, обеспечивавших единство прежнего мира. И неважно, кто ее возводил. Теперь Сандр знает, куда и как идти. Песня Фреи разбудила древнее знание.

А звуки заструились за пределы леса, приглашая Сандра вернуться к отряду. Ибо там еще один, слышащий песню Фреи. И ему требуются помощь и поддержка. Сандр успел вовремя. Нур проснулся и потянулся руками к Сандру. Тот присел рядом, помогая ему подняться.

– Сандр... Я знаю, ты увидел ее... Дорогу... По ней мы придем к Жемчужной реке. К переправе через неё. Я не знаю, как шел Ахияр дальше. Там узнаем, так ведь?

Сандр обрадовался. Хороший знак, – Нуру стали сниться вещие сны. А песня Фреи затихла и вернулась в Бирюзовый лес. Слышал ее один Сандр. Но Дорогу видели двое...

Сандр все же спросил:

– Ты слышал песню, Нур?

Нур не понял вопроса. Мелодия его разбудила, но он ее не запомнил. Значит, было что-то еще. Что-то более значительное для Нура, чем сама песня, чем даже Дорога.

– Что ты еще увидел? – нетерпеливо спросил Сандр.

Нур немного подумал. И сказал так, чтобы было слышно одному Сандру. Отряд неспешно поднимался, готовясь в путь. Айлы с любопытством поглядывали на рано проснувшихся командира и самого младшего.

– Фрею... Она говорила со мной. Мне говорила... Она сказала, что мы, айлы, живем долго. Но только в сравнении с другими. Но и мы уходим. Как и они. Это неизбежно. А уходящее по цене не выше, чем пыль Тайхау. Это так?

«Жизнь как пыль? Как ничто? Как почти ничто? Сказать Нуру, что он не так понял? На каком основании? Да, опять Свиток! Без него непонятно, что сказать. Но мальчика надо успокоить...»

– Нур... Перед вечностью всё ничтожно.

«Но... И Фрея ли говорила с ним?». И он продолжил:

– Да... Но на всех дорогах свои препятствия. Преодоление их что-то значит? И разве мы уходим в ничто? В никуда? И... Фрея еще что-то сказала?!

– Сказала. Еще... О Колодце Желаний. Она запретила пить из него. «Не пей из этого колодца. Не желай ничего лишнего. Не стремись к постороннему». Вот что она сказала. Ты понимаешь?

«Все-таки это была Фрея, – уверился Сандр, – Только она одна так могла говорить с Нуром. Да, ей был сон о том, что нас ждет впереди. И об исчезновении Котёнка она не знает. Иначе постаралась бы успокоить Нура. Малыш все еще в центре мыслей Нура. А кто-нибудь другой обязательно использовал бы факт пропажи Котёнка, чтобы надавить на Нура побольше...»

Отряд почему-то не удивился Бирюзовому лесу. Хиса даже презрительно хмыкнул. Неестественные, – по его мнению, – цвета он отвергал. На Пустыню он так не хмыкал.

– Глафий! – повелительным тоном сказал Сандр, – Ты будешь занят поиском следов дозоров. И, – не потеряй из виду Дорогу. Она приведет нас к Жемчужной. Причем к нужному нам месту реки.

Глафий в ответ тряхнул рыжей бородой. Замечательно: Глафий почувствовал под травой и слоем дерна каменные плиты. А лес продолжал удивлять. Но пока только Нура и Сандра. Совсем рядом, только руку протяни, на бирюзовой яблоньке пунцовеют совсем настоящие яблоки. А за яблонькой виднеются абрикосы, груши... И все они, – среди сиреневых елей с длинными сиреневыми колючками. В диком неестественном лесу настоящий сад изобилия... Нур притормозил Кари, дотронулся до яблока, принялся. И сообщил взглядом Сандру: да, оно и на вид, и на запах настоящее. Но не сорвал. И никто другой не решился попробовать на вкус плоды перекрашенного мира.

Обещавшие дождь плотные облака ушли на восток, к Арду Айлийюн. Воронок недовольно фыркнул, – он ждал приличного ливня. Лошади стосковались по большой воде.

Крупные деревья на Дороге не селились. Лишь незнакомый айлам редкий кустарник среди высокой травы и редких цветов. Зелени нет, – бирюза заменила ее. Лошади освоились в новой обстановке быстрее айлов. Воронок на правах вожака первым пожевал бирюзовой травки и его примеру последовали остальные. Кроме Кари, – та отнеслась к неэстетичному корму с явным презрением.

С юга задул верховой влажный ветер, лес густо зашумел. И Сандр скомандовал:

– Ускорить движение, отряд!

Глафий впереди, Сандр с Нуром позади. Кари вблизи с могучим Воронком, – как Нур рядом с Сандром.

Мысли Сандра вернулись ко сну Нура. Колодец Желаний... Озадачила Фрея... В таком лесу можно ожидать чего угодно. Как он выглядит, опасный колодец? Как его отличить? Зрение пока не вернуло прежней остроты. Требуется привыкнуть к новой тональности. Копыта ступают почти бесшумно, не заглушая лесных шумов. Но среди них только жужжание, стрекот, шелест, звон... Насекомые... Птиц и зверей нет поблизости.

Чувство нереальности, иллюзорности леса, поднявшегося на останках мира прежнего, обжитого предками айлов, не уходит. Но Дух Пустыни намекнул, что строители – не только и не обязательно айлы. Но кому нужны такие мощные дороги? По ним легко пройдут целые

армии, вооруженные и агрессивные. Достаточно авангарда на несколько дней впереди, чтобы расчистить путь.

Отряд двигался молча, настороженно прислушиваясь и приглядываясь. Сандр подозревал Джахара и рассказал о мелодии на заре. Джахар, легкий и быстрый, один из лучших атлетов Арда, самый модный тренер среди детей всех возрастов, давным-давно увлекся теорией музыки и обзавелся страстью к древним музыкальным инструментам. Вторая страсть обострила его чувства. Жил он на крайнем юге полуострова и почти не знал Фреи с Ахияром. И, возможно, не слышал ее песен. На юге – океан. Ландшафт там почти не тронут рукой айлов. Жизненная инфраструктура делается по иным принципам. Спорт с музыкой можно сочетать только в таком месте. Одна из причин, по которой Джахар вошел в оперотряд, – надежда отыскать старинные музыкальные инструменты. Что ж, он упорен и достигнет мечты. Если выживет. Если все они выживут...

Джахар, выслушав Сандра, присоединился к Глафию. Теперь впереди двое самых чутких. Иш-Арун между тем покатился к западу. Глафий предостерегающе поднял руку. Сандр ощутил запах свежей, родниковой воды. Впереди источник. А где свежая вода, там много жизни. В Бирюзовом лесу наверняка свои крупные животные, да и джунгли относительно недалеко. Сандр кивнул Нуру, чтобы он с Кари занял место перед Ангием на Маре. А сам поторопился Воронка. Теперь место командира во главе.

Вода бьет из подпочвенных глубин, рядом с дорогой. И тут след чьих-то умелых рук! Родник обложен красным искрящимся камнем так, что получилось правильное кольцо. И похоже, оно уходит в землю достаточно глубоко. Переполняя кольцо, вода родника делится на множество тонких ручейков, стекающих на влажную бирюзовую траву, которая здесь почему-то едва прикрывает почву. Кругом над источником нависли кроны высоких деревьев. В полусумраке тени колодец светится алыми нежными полутонами, а искры зерен, вкрапленных в камень, кажется, смешиваются с водой и вместе с ней стекают вовне. Волшебная картинка.

Но слово всплыло в сознании: «Колодец».

«Не пей из Колодца Желаний!».

Так предупредила Фрея. Только Нура? Конечно, всех! К Нуру пришло сновидение. Потом была песня. Для всех. Но услышал ее полностью только Сандр. Остальные оперативники проснулись от ее звучания. И не запомнили. Но, как сказал Джахар, осталось ощущение прекрасной мелодии, и отложилось оно где-то в глубинной памяти. А это значит, – всплывет, когда понадобится.

Глафий с Джахаром остановились перед колодцем, не спешиваясь. Да, что-то тут не так. И не всё так уж ясно с песней Фреи. Воздух бирюзового леса воссоздал смысл слов, вложенных в мелодию предутреннего леса. Но сделал это на языке ином, незнакомом айлам. Только теперь Сандр понял, что переводил смысл по наитию. Почему на другом языке? Потому что Бирюзовый лес не знает языка айлов? Или современных айлов?

Бесспорно одно: разумное население Арда Ману, построившее Дорогу, имело лексикон совсем иной. Но музыка... Джахар скажет, что музыка – одна на всех. Может быть... Не обязательно. Но если они были достаточно развиты, то и музыку, и цвет, и слово они могли соединять в нечто единое. И наслаждаться этим единством. Фрея для каждой своей новой песни создает и новое платье. Вот уже сколько лет у нее преобладают линии, формы и цвета ожидания да печали. Но и, – особенно теперь, – любви оберегающей, материнской, истинно женской...

Тут поколения, насколько они не отдалены, могут иметь точки пересечения. Точки взаимопонимания...

«Колодец Желаний...»

А вода в источнике, заключенном в опалесцирующий камень, не просто струится, она дышит, колеблется, реагирует. И на оперотряд реагирует! А голос родника, вплетаясь в шумы леса, что-то, кажется, обещает... Запах воды чарует, манит... Сейчас бы глафиевский большой ковш из чудесного дерева, да зачерпнуть до краев, да приникнуть губами... Какое сильное желание!

Желание?! «Желание»!

Сандр заметил, как Нур спешился и не спеша пошел к колодцу. А следом за ним все другие.

– Нур! – неожиданно и для себя скомандовал Сандр, вложив в голос непреклонную твердость, – Стой! Ни шагу дальше!

Нур замер в трех шагах от колодца, за ним весь отряд. Кроме Хисы.

Хиса, математик, холодный и расчетливый по способностям, призванию и образу жизни, оказался самым эмоциональным? Нет, не так. Тут другое. В нем жило и живет нечто скрытое, сжатое до малого, долго сдерживаемое. То самое, что отделяет и отдаляет от других. Если что-то долго сдерживать в себе, оно непременно вырвется при случае. И прорвет любую преграду. Что ему приказ Сандра!?

Вот и случилось.

Хиса приник лицом к волнующемуся, искаженному зеркалу и принялся пить. Мелкими, частыми, бесцельными глотками. А водное зеркало изменило цвет, потеряв и ту малую прозрачность, которую имело до Хисы. Уже нет в нем отражения бирюзы, господствующей кругом, искры мерцают не алым, а насыщенно багровым.

Сандр обратил взгляд на Глафия. Тот понял, приблизился к Хисе сзади и обхватил его могучими, в узлах мышц и сухожилий руками. И оторвал от источника. Тут же, – о чудо! – из колодца поднялась копия Хисы, прозрачная, светящая багрянцем. Копия, повторяющая облик Хисы в деталях. Вот только во взгляде водяного клона, обращенном на Сандра, ясно читаются ненависть в смеси со страхом. Вот он перевел взгляд на Нура, – и в нем проявились злоба и стремление достать. И потянулись водяные руки...

Сандр спрыгнул с Воронка. И тут же копия Хисы распалась на молекулы и слилась в одно с источником. Колодец принял в себя отражение Хисы. Но, наверняка, дал Хисе что-то взамен. Какие желания теперь угнездились в закрытом сердце айла-одиночки, в его математически выверенном сознании? Лицо не выражает ничего. Пустое, лишенное малейшего признака какого-либо чувства, оно как мертвая маска, пугает и отталкивает.

«Колодец Желаний...»

А источник живой! Живет и распространяет мысль.

– Взгляни в меня... Зачерпни и пожелай... Сделай глоток и сбудется всё...

Из Колодца летят не слова. Цельный поток пронизанных волевым смыслом эмоций, струящийся неизвестно из какого пространства, неизвестно кем направляемый. Просто айлы переводят зов в подходящие смыслы, приписывая их родниковой воде Бирюзового леса. И, – родилось желание еще раз увидеть в ее глубине прозрачную копию брата Хисы. Свежее искушение!

Опасность оставалась. Пусть пока никто не желает повторить действия Хисы, но возможностей Колодца они не знают. Если судить по лицам оперативников, магия действует.

– Уходим! – приказал Сандр, – Глафий и Джахар! Позаботьтесь о Хисе.

Он принял решение: пройти лес как можно быстрее, без остановок. Ибо ситуация более сложная, чем можно представить из имеющихся данных. Фрея не могла сама проникнуть в тайну Колодца Желаний. В ее с Нуром сон проник кто-то еще. Кто-то желающий им добра. Или готовящий более великое зло. Возможно тот, кто стоит за всем Бирюзовых лесом, очень рассчитывал на Колодец Желаний. О, если б не Фрея и ее общий с Нуром сон, Сандр не сообразил бы вовремя.

Хиса потерял лицо. Из него вынули его собственное Я. Наверное, это обратимо. Или нет? Ампутация души? Надо прежде выйти из Бирюзового леса.

Кари едва поспевает за Воронком. Ей приходится обходить кусты, которых Воронок не замечает. Быть большим – великое преимущество. В ближайшем будущем дорогу придется расчистить. А сколько их еще, объектов расчистки-зачистки?!

Сандр оглянулся. В неестественном бирюзовом сиянии лицо Хисы выглядит безжизненной маской. Глаза пустые, бесцветные. Никаких эмоций, мышцы словно заледенели. Тойра, лошадь Хисы, ведет себя совсем не так, как всегда. Она явно нервничает. Да, айл за несколько глотков родниковой воды стал куклой. Куда его отправишь, туда он и пойдет; что прикажешь, то и сделает. Отряд, поняв наконец, что произошло, впал в мрачность. Даже Джахар спрятал ослепительную улыбку. И спеть его теперь не заставишь.

Сандр поднял голову. Где Иш-Арун, непонятно. Небо здесь не такое прозрачное, как в Пустыне. Мутное оно какое-то, как отражение в застарелом зеркале.

К вечерним сумеркам дорогу закрыл туман. Но Сандр не сбавлял темпа. Воронок идет уверенно, другие лошади то и дело спотыкаются, цепляются за кусты, попадают в неожиданные ложбинки. В нескольких шагах всадники выглядят темными силуэтами, плывущими в густом сиреневом тумане.

День бирюзовый один, второй, третий... И ночи, светящиеся бирюзой, разбавленной сиреневым туманом. Откуда берется странный свет? И ничего не меняется... Короткие остановки для проверки и отдыха лошадей, по глотку медовой воды айлам... Глафий изобрел из собственного мёда и неизвестных никому трав эликсир. И при первой возможности поит им Хису. Тот подчиняется беспрекословно. Ему теперь что эликсир, что жижа из болота, – все равно.

К концу третьей недели бирюзовость стала блекнуть, уступая место нормальным цветам. Нур держится неплохо. Не хуже других. Сандр иногда «заглядывает к нему», мягко, неслышно. Там, внутри Нура, всё так же горит тоска по Малышу, его будоражат мысли об Азхаре, Фрее... Ахияр пока не занял должного места в сердце сына. Воспоминания об отце, которого никогда не видел, связаны с переживаниями о личном Предназначении, которое пока лишено ясности, определенности. Неясное будущее не может не пугать. И Сандр не представляет, как он сможет

оставить Нура одного при переходе в Империю. Кафские горы далеко, но они дойдут. Через год, два или три, но неизбежно дойдут. Как известно, всё неизбежное – близко.

Нур принохивается к дороге не менее старательно, чем Глафий. Тот уверен, что оба дозора прошли именно этим путем. Но следов нет. Свободный поиск часто оказывается более плодотворен, чем целенаправленный. И Нур первым нашел то, чего никто найти не ожидал. Не было уже ни бирюзового сияния, ни жемчужных сиреневых туманов. Подарок леса или Дороги ожидал Нура под невысокой елью в неопределенного цвета иголочках.

Скорчившийся, дрожащий, серый, беспомощный... Существо неизвестного племени, совсем не напоминающее айла. Первый из многих, которых предстоит встретить отряду на незнакомых дорогах и бездорожье Арда Ману, родного и неизвестного материка. Как их называть, этих айлообразных существ? Этому, первому, повезло. Он встретил Нура, переполненного нереализованными чувствами к Котёнку. И попал точно в опустевшую нишу в душе Нура. В подготовленную зону опеки.

Нур не обрадовался находке, нет. Просто новая забота спасала его от неуходящей тоски, и он постарался заняться этим новым делом как можно плотнее. Поступок взрослого айла... До похода Нур на такое бы не решился.

Нур нашел имя: Найденыш. Существо почти без сил, потерявшее память. Но не так, как Хиса. Хиса потерял себя, а в Найденыше его внутренняя суть присутствует. Только вот никак не определить, что там кроется. И Сандр попросил Ангия взять Найденыша под негласное наблюдение. Ангий обрадовался заданию, и тут же начал переодеваться в белые одежды. Что само по себе означает, – Ангий занят важным поручением! Вот тебе и негласное наблюдение... Сандр только улыбнулся: поистине, айлы как дети, независимо от возраста.

После Бирюзового леса к Найденышу вернулся кусочек памяти. И он заговорил. Речь его понять было можно; следовательно, мыслил он почти как айл. После суток наблюдения и тяжелого диалога Нур сообщил Сандру: Найденыш смутно, но помнит о своем народе, о нападении неизвестных и похищении. Или пленении... Пока всё.

Природа переменялась к лучшему и Сандр предложил суточный отдых. Глафий, раздраженный безрезультативностью разведки отпечатков отряда Ахияра, удалился на Заре в сторону и через час доложил, что нашел подходящее место.

Место – обширная поляна, по краю усеянная множеством знакомых и неизвестных цветов. Кругом, – нормальный хвойный лес, источающий запах живой смолы и грибной свежести. В смеси с цветочным луговым ароматом дыхание леса обрадовало всех, и, похоже, даже Найденыша. Джахар по звуку отыскал в лесу ручеек, и стало совсем комфортно.

Лошади рассеялись по поляне, чтобы к вечеру в центре ее образовать круг для отдыха айлов. Традиция сложилась, став привычкой. Ангий занялся приготовлением полноценного ужина. Это он умел лучше других, профессионально. Кто сейчас на его месте, заведует питанием в школах? Полноценный ужин: травяной чай, мёд, размоченные лепешки, собранные в ближней окрестности ягоды. Для Найденыша, внешне похожего на тощую и плохо сработанную копию айла в более юном, чем Нур, возрасте, такая еда оказалась разминкой. Ангий скормил ему еще десяток лепешек, с нескрываемым отвращением наблюдая, как тот чавкает, шумно глотает и постреливает по сторонам жадными глазками.

– Да наши животные разумнее и воспитаннее, чем он, – заметил он Нуру, как ответственному за нового члена отряда.

Нур только развел руками. Животное, напоминающее айла, да еще в таком беспомощном состоянии... Надо воспитывать. Примерно так понял Нура Ангий. Он не возражал против одного: что Найденышу выделили место на спине Тойры, за спиной Хисы. Его Мара, заверил Ангий Сандра, ни за что не согласится на такого седока. Между тем Арри изучал одежду Найденыша, она его сильно заинтересовала. Пусть займется этой загадкой, решил Сандр, меньше сил и времени останется на пустые размышления. Круглое лицо Арри потеряло плавность черт после прохождения Бирюзового леса. Происшествие с Хисой очень расстроило, и специалист по тканям Арда Айлийюн стал непривычно угловат и резок не только чертами лица, но и в движениях. От прежнего Арри только цветной платок на шее.

Да, отряд меняется. Так и должно быть. Но не очень ли быстро? К тому же Сандр, надо признаться самому себе, знал их по прежней жизни не очень... Кроме, пожалуй, Глафия. Фрея предпочитала мёд из его пасеки, и Сандр старался почаще дарить его ей. Вот и подружились. Единственное, чего он не понимает в Глафии, так предпочтения в одежде сразу трех цветов: белого, желтого и коричневого. В сочетании с почти рыжей бородой и усами... Как пчёлы терпят такую ядовитую смесь?

К полуночи задул северный ветер и принес стужу. После многих недель Пустыни и влажных полутропических туманов Бирюзового леса сделалось неуютно. Над восточной окраиной поляны загорелась звездочка Нура. К ней присоединилось еще несколько звездочек поскромнее. Ида сияет свежо, чисто, и кажется, улыбается. Небо почти своё, родное. Как будто всё стабильно. Но...

Но, – над невидимым севером, где стоят недостижимые отсюда Кафские горы, поднялось алое зарево. Угрожающее напоминание о небесцельности, ненапрасности их продвижения по незнакомому миру. Продвижения к самому этому зареву.

Думай, Сандр, думай... До Жемчужной, где им предстоит выбрать более точное направление, более двух лунных месяцев пути. Оттуда они пойдут, скорее всего, по левому берегу реки на север. Малый лунный цикл, цикл Иды, длиннее цикла Чандры. Здесь нет большой луны. Где она прячется? Появление Найденыша, – признак того, что населенный мир приблизился. И живут в нем не айлы. Ард Ману громаден, обойти его жизни не хватит. И Сумрачный материк, Ард Аатамиин, не меньше.

Но пока звезды мерцают спокойно, малая луна светит ласково и знакомо. От окраин поляны доносятся самые разные звуки, большинство из них неопределимы. Сандр всматривается, вслушивается. Нет сна, и ночью этой не будет. Наступает перелом какой-то на дороге оперотряда, и требуется определить, каким должен быть командир в непредсказуемый момент. Командир – единственный из всех, не имеющий права на слабость или колебания. Уметь принять быстрое и верное решение... Быть в готовности помочь любому в любой обстановке... Но разве он готов к такому? Скорее нет, чем да. Внутренних слабостей больше, чем у Нура. А нужных знаний меньше, чем у Найденыша. Нур тоскует по Малышу, вспоминает Азхару... Нормально... А у Сандра в сердце кусочек пустоты... Не получилось заполнить за всю предыдущую жизнь. А в текущей, — невозможность подойти к ней наяву, от запрещенности протянуть ниточку через сновидение. Да, Сандр нерешителен, Сандр сомневается в себе, в своей достоинности. Фрея, она живет где-то далеко. Айлы давно попрощались с Ахияром, но Фрея продолжает надеяться. У каждого в отряде оставленные позади привязанности; и надежды,

которым уже не сбыться. И неизвестность впереди. Выбор, сделанный не ради себя... Какое он имеет право на принуждение? Каждый рискует всем, что имеет. И тем, что мог бы иметь.

Итак, где зарево, там северный полюс. Цель номер два? Да, номер один все же Свиток! Сколько их, миров, подобных Иле-Аджале? Неужели в каком-то из них есть Хранитель, подобный Ажару? Хранить то, чего нет, – как странно! Айлы растеряли множество полезных знаний и об Эонах, и об Ардах... Что-то ушло вместе с Азарфэйром, что-то не сохранили-потеряли после. А вокруг Ажара сгруппировано некое научное сообщество, занятое в основном попытками прочесть нечитаемые книги. Сандр подозревает, что Нур от Бухайра узнал больше, чем все они. И в чем-то больше, чем учителя-айлы.

Нападение братьев-отшельников

В это прохладное утро оперативный отряд собирался очень медленно, совсем не оперативно.

Вначале Глафий объявил: Дороги нет, они ее потеряли. Но Дорога и не обязана тянуться в нужную им сторону. Но пробираться сквозь хвойную тайгу, – решение не лучшее. Видимо, время прямых путей прошло. Вот если бы Найденьш вернул память! Нужен проводник.

Чары Бирюзового леса ослабели, в глазах Хисы появился отблеск осмысленности. Надежда...

Лучи Иш-Аруна стелются почти горизонтально. Параллельно взглядам айлов. Но вид на запад не обнадеживает, даже с господствующего в окрестностях холма. Сплошь плотный темно-зеленый, а к горизонту сине-фиолетовый отгаликивающий цвет. Чем дальше, тем выше деревья, тем непроходимее чаща.

– Придется идти зигзагами, петлять, дорога очень удлинится, – сказал Ангий, повязывая на шею новый цветной платок и с неудовольствием поглядывая на Найденьша.

А тот запивал медовой водой третью сухую лепешку. Одной такой хватает всему отряду, иногда и не на один день. И так, Нур открыл свой неприкосновенный запас. Еще одна забота – пополнение припасов.

– Если не найдем другого способа, – согласился Сандр, – Нужен контакт с местным населением. С его разумной частью.

– А контакт уже есть, командир! – радостно объявил Глафий, – Если верить моему обонянию. А я ему верю! Нас окружили. Или пленили. Как вам нравится. Часть местного населения. Возможно, разумная.

– Сколько их? – спросил Сандр, пытаясь определить степень угрозы.

Нур посмотрел на Глафия, затем на Сандра и сказал:

– Мы здесь как на выставке учебных книг. Как на верхней полке стеллажа. Нас видно отовсюду.

На самом деле... Яркое цветное пятно, – вот что такое группа айлов для любого местного жителя, в том числе разумного. Очередная ошибка. Неверный выбор способа разведки местности. Ошибка, надо учиться, командир.

– Нур, остаешься с Найденьшем и лошадьми! – скомандовал Сандр, – Все остальные... Рассредоточимся по кругу... Лицом к ним. Они не будут долго ждать. Наша задача, – лишить их враждебной активности и собрать всех на вершине холма. Скрываться-прятаться бессмысленно.

Превратить неожиданность, скорее всего неприятную, в ожидаемую внезапность, – только так. Затем узнать схему местности, наметить путь к Жемчужной, и, может быть, найти проводника. Или взять его... Так ошибка может обратиться в успех.

Теперь: объединить восприятие, волю, сознание. И использовать общую силу в своих интересах. В интересах командира... Прием известный, такому айлы учатся с детства. Таким образом трое объединенных в целое айлов делают то, что не смогут и сто разъединенных внутренне, хотя и действующих по общему, но внешнему плану.

Сандр свою волю объявил, оставалось ждать. И, как он и рассчитывал, недолго. Вот они, аборигены-захватчики. Вид вполне соответствующий месту и времени. Звериные шкуры, куски грубой неудобной ткани, – одежда. В руках у каждого оружие: луки со стрелами и копья-дротики. Любимая забава Джахара. Он как-то попытался ввести стрельбу из лука в число обязательных умений выпускников школы. Комитет айлов не поддержал. Зря?

Нападавших оказалось всего двадцать. Выскочив из кустов-укрытий, окаймивших холм густыми зарослями, они с криками и непонятными возгласами ринулись наверх. Дальше всё

произошло по воле айлов. Подбежав к отряду шагов на десять, они замолчали, аккуратно сложили на траву оружие и собрались в тесную группу рядом с Сандром..

Лица растерянные, глаза испуганные. К Сандру подошел Нур, нарушив тем приказ командира. Вот и тема ближайшей с ним беседы...

– Можно, я поговорю с ними?

Нур рассчитывал на знание языка Найденыша, с которым он общался достаточно часто. Сандр внутри себя сменил гнев на радость. Ведь Нур сам включился в проблему, он делается всё более активным и деятельным.

Нур беседовал, отряд слушал. Для всех речь плененных воинов непонятна и дискомфортна. Быстро Нур вычислил вожака и пригласил подойти к Сандру. Сюда же привели Найденыша под присмотром Ангия, – смотрел он на неудавшихся захватчиков с таким интересом, что Сандр засомневался в отсутствии у него интеллекта и памяти.

– Они, – отшельники. Не принадлежат ни к какому народу или племени, – объяснял Нур, – Их профессию я не знаю как перевести. Как объяснить... Лучше подходят древние слова из лексикона Найденыша: грабёж, бандитизм...

– То есть они живут за счет других? – уточнил Глафий.

– Примерно так, – согласился Нур, – Этот, – вожак, командир. Он знает и умеет больше других. Ты поговоришь с ним, Сандр?

Просьба, от которой невозможно отказаться...

– С твоей помощью, Нур, – сказал Сандр, скрывая улыбку, – У меня нет времени на изучение языка. Нам нужно узнать кратчайший удобный путь к Жемчужной. И, – понадобится карта района. Кто тут обитает, где и что... Нам не нужны подобные неожиданности. А если они осведомлены, то побольше обо всём Арде Ману. Но в последнем я сомневаюсь...

Сомневался Сандр небезосновательно: жизненно-профессиональные интересы отшельников не сочетались с тягой к знаниям и наличием развитого интеллекта.

– Международная банда, – проворчал Глафий, с грозным видом обойдя группу дикарей, – Сила превышает разум. Бездельники, пренебрегающие трудом. Командир, их требуется наказать. Пусть ищут древние дороги. От левого берега Жемчужной до Бирюзового леса. Нам ведь придется возвращаться. Вот так!

«Вот так!» Он думает о возвращении, как о чем-то неизбежном и, следовательно, близком!

Беседой с «вождем» Сандр остался удовлетворен. Регион обитания брата-отшельники знали неплохо, у Жемчужной даже бывали, но исключительно на левобережье. Ард Ману по правую сторону центральной реки мира оставался для них такой же загадкой, как и для айлов. В джунгли и далее к океану они не стремились, северные области их вовсе не интересуют. Международная банда регионального значения...

Кроме чисто полезных сведений, Сандра заинтересовало известие о некоем новом племени, появившемся на Арде совсем недавно и совершенно не похожем на другие. Они явились как бы сами по себе, ниоткуда. И заняли целый остров на юго-западе Арда. Но этот район в стороне от интересов оперотряда. Да и известие на уровне непроверенных слухов...

– Вы – айлы!? – со страхом и подобострастием сказал вождь отшельников, закончив отвечать на вопросы Сандра через Нура, – Мы слышали о вас... Но не верили... Простите нас, мы больше не будем.

«Мы больше не будем», – с улыбкой повторил про себя Сандр, – Они как малые дети. Нур рядом с ними взрослый учитель и старший брат». Сандр уже начал разбираться в наречии

отшельников. Напряжение с пленных спало. Поняв, что пытались ограбить легендарных айлов, они упали на колени и после паузы стали обмениваться репликами, понятными и Сандру.

– Если чуть позже, будет в самый раз...

– А сейчас?

– Можно. Но будет не ко времени.

– Но к месту?

– К месту. Но не к тому... То место еще не созрело.

– Это какое место для меня не созрело? Или у меня?..

Сандр вопросительно посмотрел на Нура. Тот пожал плечами: смысл разговора был непонятен и ему. И сказал с сочувствием:

– У них нет ни школ, ни учителей. Ты что-нибудь придумал для них?

Сандр догадался, чего хочет Нур. Отправить банду в Ард Айлийюн и определить на обучение-воспитание.

– Они не пройдут Пустыню. Да и Бирюзовый лес может не пропустить. Пропадут там. В нем, уверен, много еще чего имеется. Пусть займутся, как предложил Глафий, составлением карты.

Поручение айлов отшельники восприняли без радости или энтузиазма. Но с рабской готовностью. Только попросили оставить им луки-дротики. Для пропитания... А на замечание Ангия о правильном питании ответили просто: то, что хорошо для айлов, не годится для всех остальных; мёд, вода, пыльца, ягоды-фрукты, – разве это пища? Для жизни нужны мясо, рыба, хлеб, овощи... Они любят посещать племена, где растят зерно, где огороды и животноводство.

– Живоеды! – возмутился Нур, – Вы едите зверей и птиц? И рыбок? Сандр! Не отдавай им оружие!

Но Сандр не согласился:

– Не в силах наших переменить обычаи и традиции Арда. И не такова миссия. Ард Ману совсем не Ард Айлийюн. Разве они – исключение из общего правила, а мы – это самое правило? Скорее, наоборот. Привыкай, Нур. Это не самое страшное из того, что встретится нам.

И добавил еще серьезнее:

– Их организмы другие. Найденыш вот... И на них похож, и на нас одновременно. И по-нашему питается, но готов и по-ихнему. Это есть загадка биологическая. И только.

Нур почему-то встал на защиту Найденыша:

– Ну уж нет. Найденыш выздоровеет и вспомнит себя. Он не такой, как они. Они – грабители. А он, думаю, почти как мы...

Лилла-искусительница

Встреча с «бандитами» значительно облегчила дальнейший путь. Их ждали населенные места. Где-то впереди, на полпути к реке Жемчужной, – первое большое поселение. Там живут те, кто больше похож на айлов, чем отшельники. Больше, но и только. Они – не айлы, и никогда ими не были. И не будут. Так сказал вождь отшельников.

– Почему они так прозвали себя? – спросил Нур.

– Отшельник – древнее слово. Кто-то из них или их предков знал, что это такое, – быть отшельником. И – ради чего. Вот и передавалось... Пока не забылись истоки. Отшельники, – те, кто старался жить по порядку, установленному Эонами. А эта группа, уверен, не единственная из подобных. У этих порядка никакого.

– А у нас есть порядок?

«А на самом деле, есть в отряде порядок? А в Арде Айлийюн? А если есть, то соответствует ли он должному?»

– Порядок... Вот что я думаю по поводу этому..., – Сандр говорил медленно, обдумывая то, о чем уже не раз размышлял, но так и не пришел к окончательной ясности, – В жизни как в игре... Представь, что участники одной и той же игры начнут использовать в ней свои правила. Не общие для всех. Что будет?

– Игры не будет. Получится неинтересный беспорядок.

– И не будет победителей. Проиграют все. Даже удовольствия не получить от такой игры. Мы с детства усваиваем много правил. Как говорить, как обращаться друг к другу, как делать доброе и избегать зла для себя и другого. Это и есть правила большой игры под названием жизнь. Не мы поселили себя на Иле-Аджале. Не мы дали себе жизнь. Не мы придумали законы физического мира. Но мы их изучаем и стараемся использовать. Если огонь использовать правильно, он согреет. Если неправильно, – сожжет.

– Я понял, Сандр! Правила жизни установлены не нами. Но их надо знать. Узнавать! А не вводить свои, не менять установленные. Так ничего не получится. Кроме Азарфэйра. Или Империи. Так?

– Ты хорошо понял, Нур. Отшельники, – первые, – отделялись от других, чтобы жить по правилам, установленным свыше. А не по правилам, введенным их соплеменниками. В одно слово можно вложить разные смыслы. А это тоже одно из правил: использовать слова с одним внутренним значением. Иначе будет только видимость диалога. Бессмысленный разговор...

– То есть, можно делать неправильно, если это будет верно?

– Отлично! – Сандр радовался; диалог получался, Нур мыслил глубоко, – Нарушать законы Империи, – неправильно с точки зрения самой Империи. Но если законы Империи нарушают установления Эонов, то самое верное, – действовать им наперекор. То есть неправильно, но верно. Согласен?

– Еще как! – Глаза Нура светились, он увлекся разговором, – Все дело в смысле, в значении слов. Они ведь тоже даны нам свыше. И не надо менять их смысл, или использовать не по назначению. Иначе можно стать как Хиса сейчас. Или как Найденыш. Или как эти отшельники...

Отряд забыл о Пустыне Тайхау и Бирюзовом лесе. Потому что на небе проявились звезды. Не хватало большой луны, Чандры, но о ней уже никто не тосковал особенно. Тысячезвездное небо сверкает сокрытым многоцветием, радуя привычным, знакомым расположением самых ярких и близких звезд.

Нур посматривает на небо реже спутников: его собственная, родная звездочка затерялась среди тысяч. Как ее отыскать? В Арде Айлийюн все двенадцать лет его жизни она светила ярче других и указывала на Предназначение, о котором он тогда не подозревал. А здесь, в Большом Мире, в Арде Ману, ее надо искать там, где по вечерам Иш-Арун уходит к Темному материку, к Арду Аатамиин.

Но, немного подумав, он перестал расстраиваться. Ведь ясно же, что его звезда засияет ярче всех, когда это ему понадобится. По закону, по правилу Седьмого Эона... И укажет, уточнит направление к цели. Если она сейчас в закатной стороне, то ведь и оперативному отряду пока нельзя двигаться прямо на север, к полюсу, к Кафским горам. Нельзя, потому что рано. Правда, почему рано, ему не совсем ясно...

Оперативный отряд продвигается по маршруту, предложенному отшельниками. Остается не больше четверти лунного месяца до выхода к реке, впадающей в Жемчужную. Дальше удобнее будет придерживаться троп, проложенных по северному берегу этой безымянной реки. Но перед тем придется встретиться с народом, издавна живущим на этой территории. С народом, как уверяли отшельники, мирным, занятым разведением всевозможных зверей и животных.

То есть животноводством... Они заботятся о животных, чтобы употреблять их в пищу. Занятие незнакомое и противное айлам. В Арде много зверей, любая птица или бабочка обитают там, где хотят, а не там где их разводят. Даже пчелы Глафия выбирают себе ульи сами. Но иногда и по просьбе Глафия. Правда, ему приходится долго их уговаривать. В Арде всё живое любит айлов, дружит с ними, а по надобности или по зову приходит к домам.

Зрение, слух, обоняние... Они говорят: тайга переполнена жизнью. Но таежные обитатели осторожны, держатся вдали от отряда. Почему они остерегаются айлов? Глафий уверен: виной тому отшельники, животноводы и другие народы, которые используют животных в своих целях. Нарушена гармония, говорит Джахар. Но Нур склоняется к мнению Сандра.

А Сандр сказал: этот мир живет по правилам, нам незнакомым и только потому чуждым. Но это правила, и они – часть всеобщего Закона. Сандр больше, сильнее, разумнее и справедливее любого из айлов. И любого из неайлов. Поэтому он командир оперотряда. Поэтому он ближний друг Ахияра. Поэтому Нуру он ближе всех. Но ближе он не только поэтому. Тут еще думать надо...

Наконец открылось громадное пространство, лишённое деревьев. Лишь высокая трава да редкие неяркие голубенькие цветочки. Признак близости реки и незнакомого народа. Сандр поднял руку и отряд остановился.

– Отдохнем немного. Надо осмотреться...

Глафий спрыгнул со своей Зари гулко и с хмыканьем. Раздражение не покидает его: ни первый, ни второй дозоры не проходили по этим местам. Скорее всего, они избрали путь к Жемчужной севернее. Но насколько севернее? Прямо на север они тоже пойти не могли: айлы помнили древнее правило, – по прямым направлениям передвигаются только недобрые духи. О просчете Комитета в организации связи с дозорами Глафий говорить не хотел.

Найденыш в последние дни старается сблизиться с Глафием. То ли оттого, что мёд у того особенный, то ли чувствует в нем особую доброту... Вот и теперь, он сполз с Тойры, едва не стащив за собой безучастного Хису, и подошел к Глафию, скорчив недовольную мину. То ли подражает новому кумиру, то ли иронизирует?

Сандр с Джахаром занялись осмотром местности, отряд приступил к осмотру лошадей и снаряжения. Нур впервые за весь поход остался один, без опеки. Чему обрадовался: хотелось подумать о многом без помех и вспомнить кое-что. Ведь айлу требуется время от времени вспоминать о том, что было и думать о том, что может быть. Или могло быть... А для этого необходимо уединение. Только Малыш не нарушает одиночества Нура. Но Малыш – особенный, и он родился специально для Нура. Как та звездочка... Даже с Фреей так не получалось. И не получится. Как и с Азхарой. Но они далеко, и уже не проверишь. И они так далеко, что в этой жизни Нур может с ними встретиться только в памяти. Общих снов после Бирюзового леса не получается ни у кого.

На западе травное поле, обретая седовато-металлический оттенок, уходит за горизонт. Пройтись, посмотреть, что там? Нет, нельзя. Не по правилам. Сандр расстроится. У командира и так много забот. Не хочется добавлять еще и придуманные проблемы. Он осмотрелся. Да вот же, недалеко, шагах в тридцати, светится ягодный куст, похожий на смородиновый из Арда. И близко, и никто не помешает.

Нур, раздвигая телом сочные упругие зеленые стебли, увенчанные тугими колосьями, подошел к кусту, усыпанному сразу и оранжевыми мелкими цветочками, и сине-черными ягодами. Красиво... И запах от куста приятный. В смеси с запахом травы получается такой восхитительный аромат! В нем еще что-то... Ах, да, на юге невидимая отсюда река. Реки не видно, но ты знаешь о ней, и это знание придает пейзажу красивую законченность. То, что надо!

Нур присел у куста и как бы растворился в бескрайнем поле. И в небе над ним... Сколько он уже прошел вместе с Кари? Сколько всего осталось позади... Оставленное в пути не возвращается... Скольких он не увидит уже! Никогда! Они остаются в памяти, совсем рядом. Память тоже живая, но от этого грустно. Неужели жизнь складывается из невозвратимых потерь? Таково ее правило? И что еще предстоит потерять, чтобы помочь тем, кого больше не будет рядом? Получается, близкие, – это не те, кто рядом, а те, о ком помнишь всегда... Поплакать, что ли? Сандр говорит: плакать не стыдно. Но лучше, когда никто не видит. Ведь не для кого-то плачешь, для себя.

Азхара назвала себя Нурией. Это все равно, что поклясться в верности навсегда. Фрея не клялась, но осталась верна Ахияру. Отцу... Все говорят, он был похож на Сандра. Неужели кто-то может походить на него? А Фрея не приближает Сандра. Почему? Ведь он страдает. Лафифа, подруга Фреи, тоже очень красивая. Она мечтает о Сандре. Напрасно, Сандр не меняет привязанностей. И зачем такое Азхаре? Тоска по ней слабее, чем по Котёнку. Если она приснится Нуру, он скажет ей: «Зачем тебе два имени? Оставь себе одно, первое. Оно очень красивое. Ведь я никогда не вернусь...»

Нур потер ладонью заслезившиеся глаза и поморгал. И тут же окаменел: перед ним сама Азхара-Нурия! Можно рукой дотянуться-дотронуться. Еще один мираж? Но! – она такая, какая есть, такую нельзя повторить. Из одной Азхары не сделать двоих. Это из Найденыша – можно. Хоть сколько...

– Ты как здесь? – не сознавая, что говорит, выдал из себя Нур.

– А я всегда здесь. Здесь, – это там, где ты. Ведь так?

– Что? Ты шла за нами? За отрядом? По Пустыне Тайхау, через Бирюзовый лес?

– Может, и шла, – она улыбнулась той самой сверкающей улыбкой, как молния пронзившей Нура, – А может, и не шла. Может, я летела? Ты скучал по мне?

Платье на ней до пояса слилось с травой, а выше пояса и колосьев настоящее, из арриевой ткани. Оно слегка колеблется от легкого меняющегося ветерка, – то самое, которое он особенно любил на ней, голубенькое. А на голубом мелкие синие и красные цветочки. Нижняя часть все-

таки не платье... Но улыбка-молния – та самая. Нур почувствовал, что раздваивается. Чувства утверждают: да, это она. Но разум протестует.

Айлы всегда остаются айлами. Что бы с ними ни случилось и где бы они ни были. И айлы больше слов любят мысли, которые еще не прозвучали. Непрозвучавшие мысли светлее, полнее, живее слов. Обмениваться ими намного приятнее и полезнее, чем словами. Словами можно что-то добавить или сгладить, поправить или еще что... Ведь интонация, тембр голоса, – они тоже что-то значат. Но так не у всех. У отшельников мысли мельче и тусклее слов. И потому Нур решил поговорить с Азхарой мыслями. Ведь сказать надо много, слов может и не хватить, и времени мало, Сандр вот-вот обеспокоится и примется искать его. И быстренько найдет. Тогда Азхара исчезнет.

Нур отправил ей мысль о том, что случилось с Хисой. Но! – Азхара не ответила. И даже глаза ее не изменились. Как были веселые и радостные, так и остались. Но настоящая Азхара не может не слышать мыслей Нура! Если она не слышит, – она не Азхара!

– Здесь так не жарко... И не то, чтобы холодно, – сказал первые всплывшие в сознании слова Нур.

И добавил, уже твердо, осмысленно, со всей уверенностью, на которую был способен:

– Ты кто?

Улыбка покинула лицо Азхары, молния погасла. И сразу поблекло ее платье, а за ним и все кругом. Ведь и трава, и цветочки, и воздух, – все они тоже поверили, что пришла Азхара. А оказалось... Она отвечала, но голос ее стал другим, и разочарованный воздух нес ее слова к Нуру нехотя, тяжело, всего лишь по обязанности. Звуки отзывались в ушах Нура рокотом отдаленной морской волны.

– Вот ты каким стал, айл Нур... Дорога обогатила тебя... Но я останусь такой, какой предстала. Чтобы разговор получился... А зовут меня Лилла... Слышал?

– Нет, – не совсем уверенно ответил Нур; ему очень захотелось появления Сандро.

Зацепившись взглядом за знакомую сине-фиолетовую косу, уходящую за ее левое плечо, он старался не смотреть в глаза Азхары. Видеть живое лицо и знать, что оно – всего лишь маска! И не понимать, как такое возможно!

– Интересно! – удивилась Лилла, – Какой невежественный айл! Я к нему с добром, а он... Хоть бы ради приличия сказал, что слышал.

Нур, справившись с волнением и растерянностью, ответил, разглядывая небо за спиной Лиллы:

– Я – айл, это так. Айлы не говорят неправду. Ни ради чего.

– Пусть так, – согласилась Лилла, – Такая уж у меня работа неблагодарная. Стараешься, стараешься... Твой отряд, Нур, желает отыскать то, что потеряно. Но ведь, как говорят мои новые друзья: что с возу упало, то пропало. Да, Нур, у меня есть не только старые, но и новые друзья. А у тебя и старых-то как кот наплакал...

Нур почувствовал, что начинает злиться. И, чтобы снять наплыв злости, спросил:

– Ты хочешь рассказать мне всю свою жизнь? Зачем?

– Нет, Нур, нет. Не о своей жизни я хочу поведать. А о твоей. О твоей судьбе путаной да ломаной. Ведь исправить еще можно. Если бесполезное с предстоящих дорог убрать. Буковки вредные да слова, всякие там печальные свитки-книжки... Мечты пустые... Вы вот на зарницы красные смотрите по ночам... Красные сполохи вас напрягают... А они есть на самом деле, эти зарницы-сполохи кровавые? Ты не думал, айл, что они, – всего лишь отражение ваших собственных фантазий-страхов? Кто-то взял да внушил их вам, да еще и зеркало перед вашими глазами поставил. Смотрите, доверчивые глупые айлы, и занимайтесь чем попадая, ломайте свои устоявшиеся жизни. Чего вы боитесь, айлы? Куда устремились, к каким миражам? Ведь вам дано то, чего у других нет и не будет. Порастеряете дары на путаных дорожках. Вот ты,

Нур... Ахияра, отца своего, так и не увидел. Как и он тебя. Мама Фрея, подруга Азхара... Им горе, тебе несчастье...

Она так пристально смотрела на Нура, что ему стало горячо. Так, что даже небо на юге побагровело. А Лилла с жаром Азхары добавила вопрос:

– Ну зачем? Зачем?

Нур решил не отвечать на вопросы. И вообще не продолжать разговор. На место растерянности пришла была злость, но теперь наступал страх. Разве он справится с хитрой Лиллой без Сандра? Хоть бы Глафий оказался поблизости...

А Лилла, оставаясь Азхарой, продолжала атаку:

– Я многое знаю и многое умею, одинокий маленький айл! Да, не очаровала тебя сегодня. Не смогла, сама не понимаю почему. Но ведь я пришла не затем. А чтобы открыть тебе день завтрашний. Показать тебе все страхи, потери, горести и страдания приготовленные. А ты посмотри да скажи: надо это тебе или нет? Если верно используешь полученное от меня знание, – отведешь от себя все беды. И не только от себя, но и от Сандра, и от других. И вернешь радость Фрее и Азхаре... Так как? Хочешь узнать, что ждет тебя у Жемчужной, и дальше, вплоть до гор Кафских?

Нур, вслушиваясь в речь Лиллы, окончательно уверился: не с добром явилась к нему эта Лилла. С добром не надевают масок, снятых с чужих лиц, с добром не притворяются. А если так, любой ее дар будет во зло. И не нужно ему от нее ничего!

– Нет! – твердо сказал Нур, смотря в глаза Азхаре, – Нет, не хочу я от тебя ничего. Разве тебе не известно: айлы не берут чужого? И без их согласия с ними ничего такого не сделать. Нет! А ты – всего лишь искусительница. Прощай. Иди своим путем.

Лилла явно не ожидала категорического отказа. И лицо ее перестало быть лицом Азхары. По нему пробежали мелкие волны, черты исказились, очарование исчезло. Из потерявших красоту глаз полилась неприязнь, с языка полетела нескрываемая злоба.

– Невежественный айл! Ты потерял страх? Тяжкая утрата! Ты мал и ничтожен, а ничего не боишься? О, как будет длинна дорога твоей печали! Одиночество станет твоим уделом! Нет испытания тяжелее, неблагодарный айл. Одиночество заставит тебя колебаться и сомневаться. Оно принудит искать тепла и любви среди чужих. Но испытаешь ты лишь разочарования, непонимание и предательство, измены и поражения...

Нур, обессиленный психологической борьбой, искал способа прекратить встречу.

– Достаточно! – с интонацией угрозы сказал он, – Или...

Он не успел договорить. Да и не знал, что скажет. Неслышно рядом с Лиллой возникла громадная фигура Сандра. Лилла тут же сгорбилась, ее глаза совсем потухли. Голос Сандра звучал спокойно, но в нем крылось столько угрожающей решимости, что даже Нур затрепетал.

– О дух бесприютный, мать бродяжничества и распутства! Наказать тебя за несправедное, – дело благое и нужное!

Лилла переменила облик мгновенно. И предстала в изначальном виде: в лохмотьях, покрытая спутанной грязной шерстью, с медными ногтями на пальцах рук и железными зубами. Сущность женская, но от Азхары ее отделяют вечность и бесконечность.

Видение это длилось миг, не больше, но отпечаталось в памяти Нура на все предстоящие жизни. Сандр подошел к нему, присел напротив, положил руки на плечи. И они молча смотрели друг другу в глаза. Нур мог так просидеть и день, и ночь. И слушать Сандра. И просто молчать.

– Я услышал, что она говорила. Лилла-искусительница... Кто-то ее направил к нам. К тебе... Сама по себе не рискнула бы.

– Наверное, тот, кто шептал мне... Но она так испугалась тебя! Ты уже встречался с ней?

– О да... Но о той встрече в другой раз. Нам надо спешить. Я видел, я понял, – ты ее отверг. В чьем облике она предстала? Фрея или Азхара? Ясно... Она принесла открытое зло. Но ведь она права в словах своих...

– Что? – удивился Нур, – Права?

– Да. Права в том, что никому из нас не избежать великих трудностей. И одиночества тоже. Я постараюсь вложить в тебя максимум знаний нужных и воли необходимой. Но усваивать, учиться, применять тебе придется самому. Внутри тебя тебе никто не поможет. Понимаешь?

Нур вздохнул.

– Она говорила, что нам подсунули зеркало с неверными отражениями. Это как?

– Неверные отражения... Искажения, преломления...

Сандр медленно произнес слова и сам будто стал частью картины в невидимом преломляющем зеркале. Походная куртка его, зелено-песчаного цвета, стала розово-багровой. Лицо, обычно спокойное и доброе, хоть и поражающее крупными, но правильными чертами, стало предельно сосредоточенным, излучающим готовность к сокрушающему действию. Глаза сузились до предела, губы сжались, на скулах задвигались желваки. Руки резко отяжелели, будто на плечи Нура кто-то сбросил всю поклажу оперотряда. И аура, – таких насыщенных цветов нет и у Радуги! Нур постарался ничем не показать своего замешательства от такого превращения.

– Отражения, друг мой... Никто над нами не властен. А зеркала чужие – нет их! Сами мы... Сами мы часто правое путаем с левым, правду с кривдой, добро со злом меняем местами. Спешим часто без оснований на то... Предназначенное никуда не уйдет, настигнет в назначенный час и в назначенном месте.

Голос Сандра впервые звучал так: негромко, но весомо, будто отдаленный гром весенней грозы в родном Арде. Такого Сандра Нур не знал. Но он обратился к Нуру так драгоценно: «Друг мой...» И Нур не испугался. А задумался. Получалось, что с Лиллой-Искусительницей он повел себя в целом правильно. Как надо сказал и сделал. А это значит... А значит это, что Лилла в одном точно права, – он, Нур, за месяцы Пути изменился. А Сандр, оказалось, способен на такие перемены, о возможности каких Нур и не подозревал.

Арифметика аваретов

Палатки, шалаши, юрты, избы... Брезент, колья, бревна, шкуры, ветви... Лошади, коровы, козы, прирученные волки... Вертввки, ошейники, колокольчики... Котлы, черпаки, столы да скамейки... Сушеное и копченое мясо, вяленая рыба, сыры, молоко... Рёв, вой, дым, непрерывный говор, запахи непонятно чего...

Река и лес... Между ними, на освобожденной от пней и кустов громадной площади, – главное стойбище народа, живущего отдельными племенами во многих местах Арда Ману. Когда-то на площадь наложили планировочную сетку из прямых углов, по ее прямым линиям протоптали дорожки, назвали их улицами и пронумеровали по вертикалям и горизонталям. Вертикали пошли от юга, от реки к северу, к лесу, вначале смешанному, а дальше дремучему хвойному. Горизонтальные пути-дорожки протянулись от востока, где раскинулись луга-пастбища, на запад. Что на западе, отряду пока неизвестно.

Геометрия не существует без арифметики. Математический от рождения мозг Хисы от соприкосновения с живой сеткой поселения кочевников словно воскрес от беспробудного сна. Математика Хисы сюда вписывалась органически. Но ожил Хиса только одной своей частичкой, численно-цифровой.

Вершиной жизненного искусства кочевников стала торговля и ее знаково-стоимостное выражение. Торговцами тут были все: дети, женщины, пастухи, охотники, рыбаки... Торговцами тут рождались и умирали. И любой гость племени рассматривался как объект извлечения выгоды. И потому не было спокойствия в стойбище ни днем, ни ночью.

Найденыш ушел от Глафия. И переметнулся к Хисе. Вдвоем они обходили квартал за кварталом и шумно торговались. Но не покупали и не продавали. Им был важен сам процесс. В итоге на второй день обоих признали полноправными членами большой шумной семьи кочевников-торговцев.

Найденыш дегустировал всё подряд, и непонятно как в него оно укладывалось. Хиса действовал выборочно. Тело его помнило, что принадлежит айлу, и предпочитало мёд, ягоды и напитки. Но в напитках он разбирался плохо и скоро алкоголь, предлагаемый в самых безобидных вариантах, раскрепостил Хису до панибратства со всяким встречным. Встречные отвечали тем же. Сохраняя внешность айла, Хиса и тут не вернул себе прежнее состояние. Провал Колодца Желаний по-прежнему зиял внутри него. Колодец не препятствовал арифметике текущего бытия и алкоголизации организма. То и другое не мешали держать Хису на коротком поводке, протянутом к невидимой руке.

Айлы, изучая обстановку, следовали за Хисой и Найденышем, но никто их не замечал. Контакта не получалось ни с кем. Вождь племени, разодетый в меха и цветные кожи, зрелый до седины кочевник по имени Канантин, принял в своей палатке одного Сандра. Но на второй день после прибытия отряда и нескольких попыток получить с ним встречу. Беседа получилась недолгой и скучной. Отряд не представлял никакого экономического интереса, а голой политики тут не признавали. Дружбы без выгодного взаимобмена не могло быть.

– Народ авантинов приветствует путников. Куда вы направляетесь?

Несколько подобных дежурных вопросов дались вождю не без усилий. Он с такой тоской поглядывал на огромную курительную трубку, лежащую перед ним на столе с угощением для Сандра, что смотреть печально. От угощения, – медового алкоголя, – Сандр отказался. А вопросов вождь не расслышал. Ибо в словах Сандра не содержалось ни списка товаров, ни их стоимости в соответствующих эквивалентах. Наконец Сандр осознал, что айлы оценены кочевниками-авантинами как дикари-бродяги, сами не понимающие, чего хотят от жизни. Осознав, пожал плечами и, не попрощавшись, вышел из палатки.

Ожидающий у входа Нур, с множеством вопросов глазах, спросил неопределенно:

– Что-нибудь прояснилось?

– Нисколько. Наоборот, – заключил собственные рассуждения Сандр, – Он не желает ничего слышать ни о Свитке, ни о Кафских горах. Они для него за гранью существования. Единственный способ заставить их помогать нам, – заключить длительный и объемный торговый контракт.

– Примерно так выражается сейчас Хиса, – улыбнулся Нур, – Он обучает Найденыша торговой математике. Это пригодится им обоим? Или нам? Они могут превратиться в аваретов...

– Ты озабочен перспективой... Тебе не нравятся кочевники-авареты?

– Пожалуй... Больше нет, чем да. Они все снаружи сытые. Изнутри – жирные. Им не надо ничего из того, чего они не знают и не понимают. Я так и знал. Но ведь таким образом ни в чем не разберешься. Для чего такая жизнь?

«Я так и знал!» – Сандр уже не удивлялся переменам в Нуре. Дорожные испытания, и, особенно разлуки—потери, стимулировали в нем интерес разобраться: почему всё получается так, а не иначе?

Молочное стадо, – вот единственное, что Сандр перенес бы в Ард Айлийюн из опыта этого мира. На границу с Пустыней, за Большими Садами, на востоке, – там можно отвоевать у песков место для пастбищ. И завести стадо коров... Очень Сандру понравилось молоко от них. Да и некоторые из сыров тоже.

Вот только вопрос возникает: не станет ли нововведение началом отхода от сути айлов? Впрочем, отход начался давно... Просто идет он относительно медленно, незаметно для тех, кто внутри процесса. Ведь авареты прекрасно чувствуют себя в атмосфере непрерывного шума. Столько разных животных в одном месте! Это не только масса раздражающих звуков, но концентрация не лучших запахов. Отряд старается не показать отвращения, но долго так не продержаться.

Следом за айлами к аваретам явился еще один гость. Одинокий посланец дальнего, неизвестного и кочевникам народа, обладающего невиданными сокровищами. Гость вооруженный, бесстрашный, разумный, ведущий за кожаные, инкрустированные цветными камнями поводья белого гривастого коня. Да и сам он весь в белом. Только вот цвет кожи лица и открытых до локтей рук темно-красный, почти коричневый. Джахар с Песней прикипели к всаднику и коню взглядами. А в двух кожаных мешках, притороченных к седлу, не только камни-самцветы. Много еще чего. И, – белые листы, тонкие, непрозрачные, влекущие лунной чистотой. А к ним, – карандаши, оставляющие на белом черные следы. Можно рисовать любые знаки, которые способны храниться столько, сколько выдержит сам лист. «Карандаши и бумага, для разума и чувства», – так сказал гость, внимательно наблюдая за айлами серьезными глазами и улыбаясь аваретам. Но кочевники не знали письма. Они знали счет, прекрасно управлялись с ним в уме, не допуская ошибок. Счет их отражал не только количество, но и качество вещи, способной стать товаром.

В полдень первого дня прибытия дальний гость собрал у главного торгового чума стойбища толпу любопытствующих аваретов. Что само по себе привлекло к нему внимание вождя. К тому же гость во время демонстрации привезенных товаров предлагал заключение многолетних контрактов на их поставку. А взамен тот народ, который прислал его, готов принимать любые дары. Долгосрочной торговлей кочевники никогда не занимались, и стойбище заволновалось. И гостя пригласили к Канантину.

Вот тогда белый гость поставил условие. Найдя взглядом отряд айлов, он подошел, указал рукой в белом широком коротком рукаве на Нура и объявил:

– Я пойду к вождю с ним. Без него не пойду.

Слуги вождя не стали спорить. А Сандр отметил: этот загадочный торговец заметил айлов не только что. А на Нура обратил внимание сразу после прибытия. Очень точный глаз у гостя...

У палатки вождя шум почти стих. Айлы, стоящие отдельной группой, излучающие свет и цветное сияние, наконец привлекли всеобщее внимание. Пока только контрастом с окружающим пространством. А тут еще темнокожий торговец в белом на белой лошади с невиданными предложениями. И авареты задумались. Сразу два таких исключительных события могут знаменовать приближение перемен...

Вот так, в общей задумчивой тишине, Нур в перешитых цветных одеждах и пришелец в белом вошли в палатку вождя. Сандр успел согласовать восприятие Нура со своим. И прикрыл глаза, опершись на кол для привязи животных рядом с палаткой. Он увидит происходящее в палатке глазами Нура, услышит его ушами. Чтобы наиболее правильно и скоро оценить происходящее, требовались знания и опыт. И еще многое, чего пока не имелось у Нура.

Все пошло, как и положено в таких случаях.

По одну сторону, – вождь с советниками. По другую, – иноземный торговец и чуть позади Нур. Между ними на деревянном столе россыпь сверкающих камней и множество неизвестных Сандру предметов. Впрочем, кое-что можно и отождествить... Вот, статуэтки из белой кости: существа, похожие на айлов, красочно разрисованные, очень достоверные. Рядом, – вырезанные из камня фигурки животных, явно хищники. Рядом с ними стопочка листов бумаги с карандашами на ней выглядит не очень привлекательно.

А Сандра интересует в первую очередь бумага. Из такой же, скорее всего, состоят книги, собранные в Храме. Айлы не знают секрета бумаги, да и не нужна она им была. При необходимости они пишут слова на песке и, навсегда запомнив написанное, уничтожают запись. Вдруг эта белая бумага из той самой серии, из которой делались древние книги? Книжные листы, правда, больше серые да желтые. Но это, возможно, от времени или неправильного хранения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.